

Евгений Шалашов

ХЛЕБ НАЕМНИКА

Солдат всегда мечтает стать генералом, оруженосец — рыцарем, а принц — королем. Но из любого правила бывают исключения. Двадцать лет назад юный граф д'Арто просто не вернулся домой. А в отряде «псов войны» появился наемник Артакс. Он служил под знаменами всех королей, сидел в осадах и защищал города, пережил почти всех своих врагов и давно стал легендой. Его трудно убить. Еще труднее — обмануть. Но даже опытного наемника можно предать...

Бей первым
и надейся на лучшее...

фантастика нашего тысячелетия

Евгений Васильевич Шалашов
Хлеб наемника
Серия «Хлеб наемника», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Солдат всегда мечтает стать генералом, оруженосец-рыцарем, а принц-королем. Но из любого правила бывают исключения. Двадцать лет назад юный граф д'Арто просто не вернулся домой. А в отряде «псов войны» появился наемник Артакс. Он служил под знаменами всех королей, сидел в осадах и защищал города, пережил почти всех своих врагов и давно стал легендой. Его трудно убить. Еще труднее-обмануть. Но даже опытного наемника можно предать...

Содержание

Часть первая	4
Глава первая	4
Глава вторая	35
Глава третья	66
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Евгений Шалашов

Хлеб наемника

Часть первая

Кавалер «Бешеного креста»...

Глава первая

Мой друг – лошадь

Для меня все поляны одинаковы. Как разобрать – где больше клещей, где меньше? Потому вечером приходится уповать на удачу, а утро начинать, встряхивая одежду и проверяя, – не торчит ли откуда-нибудь набухшее тельце кровососа. Знал я драбанта, что мог угадать количество кровопийц с точностью до дюжины на ярд. Правда, кончил он плохо – не разглядел змею.

Расседлав Гневко, вытащил из сумки пригоршню черных сухарей, грустно вздохнул и протянул гнедому. Жеребец с жалостью посмотрел на меня и, помотав головой, ушел в одуванчики.

– Благодарствую! – с облегчением выдохнул я вслед.
«Счастливцев!» – позавидовал гнедому и лег. Пожалуй,

скоро самому придется переходить на подножный корм. Вроде из одуванчиков салаты делают? Тьфу ...

Посматривая на сумеречное небо, я смаковал каждую крошку и размышлял – что бы такое продать, если не удастся пристроиться на службу. Конечно, имелись у меня кое-какие вещички, позволявшие провести годик-другой в сытости и покое, но – жалко! Пока есть надежда, буду терпеть.

Чутье, выработанное за двадцать лет службы (жизни?) в наемниках, по привычке отмечало все незнакомые и, стало быть, опасные звуки, передвижения и шевеления примерно... ну, не за милю, но – за полмили, так уж точно! Вот и теперь – я уже минут двадцать как определил – что по соседству со мной остановилась телега. Судя по скрипу деревянных осей – крестьянская. Скрип, однако же, мягкий, не резкий. Стало быть, хозяин – мужик хозяйственный, не забывает смазывать колеса своего «тарантаса» и, не жадный – на дегте не экономит! Жаль, не слышно ржания лошади – можно о хозяине узнать больше. О том самом, что брел сейчас ко мне и поминутно останавливался, будто решал – а не повернуть ли обратно? Значит, чего-то он от меня хотел, но не был уверен, что дело выгорит.

– Господин рыцарь... – робко спросил незнакомый голос. – Простите, если разбудил... Дело у меня к вам...

Разбудил! Да твое сопение за милю слышать! Ну, какое может быть дело у пейзанина к наемнику? Хотел было послать крестьянина ... лесом, но передумал. Кто знает, может, его

барон (или – кто у них там?) нуждается в молодцах, вроде меня?

– И...? – Приподнялся я на локте.

– Я, это... Ваша милость... – засуетился крестьянин. – Дело у меня к вам, – повторил он, запинаясь. – Вернее, не к вам, а к вашей лошади. К коню, то есть... Важное, дело-то! Вот те раз! А на вид – вроде бы нормальный мужик. Одет, хоть и просто, но чисто. Опять-таки – в сапогах, а не в постолах. Выглядит как приличный зажиточный крестьянин. Хотя видывал я и герцогов спятивших, и графов, и даже одного короля! (Что б ему провалиться куда-нибудь, уроду...) На всякий случай я слегка подобрался...

Мужик, заметивший движение, резко отскочил в сторону и залепетал:

– Ваша милость, господин рыцарь! Вы только это – чего худого не подумайте... Лошадка у меня, кобылка, то есть... Я вот и хотел попросить, чтобы вы жеребчика своего одолжили. Вы не сомневайтесь, заплачу по совести!

Хм, уже интересней. Таких сделок мне еще не предлагали...

– А что, в округе жеребцов нет? – полюбопытствовал я.

– Да нет, жеребцов-то много, – почесал крестьянин потный лоб. – Только мне бы хотелось, что бы кобыленок породистый был. А ваш-то коник, вижу, и породой вышел, и статью... Я вас еще давеча на постоялом дворе приметил, вот следом и поехал. Я ж диву дался – вроде воинский человек,

а верхом на жеребце...

Еще бы! Не ты первый, не ты последний. Любой нормальный солдат предпочитает ездить на кобыле, ну, а в самом крайнем случае – на мерине. От жеребцов с их вздорным характером и драчливым нравом постоянно ждешь какой-нибудь пакости. Мой гнедой по вздорности и злобности заткнет за хвост любого, зато в бою заменит двух рыцарей и добрый десяток кнехтов!

– Сколько? – спросил я, чтобы не тянуть кота за причиндалы.

– Талер, – быстро ответил селянин. Как-то подозрительно быстро.

– Пять! – затребовал я.

– Ну, это ты, рыцарь, загнул! – обиженно проговорил мужик, переходя на «ты». – Таких и цен-то в округе нет! Да за такие деньги я четырех жеребцов найду. Или – ежели на торг поехать – так и самого коня купить можно... Два!

Врет, небось ... Но я-то откуда знаю, сколько стоят «услуги» моего жеребца? Ну, даже если и врет, то поторговаться нужно.

– Хрен с тобой – четыре.

– У, – обиженно протянул мужик. – Много. Давай... – увидев мой кулак, поправился. – Давайте, господин рыцарь, за два.

– Ладно, три! – махнул я рукой. – Но это – последняя цена!

– Два с половиной! – попытался торговаться мужик.

– Свободен! – отрезал я, показывая, что слово мое тверже камня, переживая – не ушел бы благодетель.

Не ушел. Видимо, очень уж ему хотелось заполучить «кобыленка» от чистокровного жеребца. Немного потоптался и потом буркнул:

– Согласен. Три, так три ...

– Лады, – кивнул я, протягивая ему руку.

Пейзанин с почтением принял мою ладонь и попытался ее крепко сжать (пережать, что ли, захотел?), заскулил, отпрыгнул в сторону, и принялся дуть на свою мозолистую лапу – такой ручищей раскаленное железо хватать можно...

Отдувшись и отмахавшись, мужик спросил:

– Кобылку-то сюда привести? Или – сами придете?

– Веди, – кивнул я.

Пусть думает, что мы гордые! Наемник-первогодок имеет в месяц всего четыре монеты и ничего, живет. Я – не первогодок, но вчера на последний медяк купил два фунта черных сухарей: фунт – для себя и фунт – для коня... Чего-чего, а торговаться жизнь научила. Ну и как же теперь выполнить самую сложную часть? Нет-нет, это не то, что вы подумали...

Гнедой пасса не слишком далеко, но и не слишком близко от меня. Так, чтобы не мешать, но и прийти на помощь.

– Гневко! – позвал я. – Овса хочешь?

Гнедой наострил уши, зыркнул глазом и сморщил нос: «Ну и где же он? Что-то не наблюдаю...»

– Дело есть! Выполнишь – будет тебе овес, а мне... – Я

задумался.

Конечно, первое – овес, потому что Гневко его уже с неделю не видел. А мне? Поестъ бы как следует... Согласен на кусок хлеба, куда будет положен большой шмат ветчины. Еще лучше – тарелка холодной телятины или миска тушеной свинины с горохом. А потом? Хорошо бы – новый плащ, белишко. Словом, трех талеров на все не хватит! За последний год, что выпал у меня безработным, а значит – безденежным, прорех в хозяйстве накопилось столько, что лучше не и не вспоминать.

Пока я предавался невеселым думам, Гневко подошел вплотную и выдохнул в лицо горьковато-мятным запахом одуванчиков: «Выкладывай!»

– Кобылку просили ублажить, – доложил я. – Денег за это дадут!

– И-и-го-го! – улыбнулся он во всю пасть. Дескать – всегда готов! Но потом, спохватившись, подозрительно поинтересовался: «И-и-го?»

– А я знаю? – пожал плечами. – Хозяин сказал, что жеребенка породистого хочет. Такого же красавца как ты... – польстил я другу, но отнюдь не успокоил его.

До сих пор нам еще никто не предлагал деньги за то, что делали даром и – не постыжусь сказать – с удовольствием...

Тут раздалось ржание. Гневко прислушался, определяя по голосу возраст «подруги», а потом презрительно бросив мне: «Го-го!», отвернулся, выставив на обозрение круп...

– Ну и что такого? – примирительно сказал я. – Ну, подумаешь. Да ей и всего-то лет восемь! Ну десять, ладно. Разок-то можешь...

Вместо ответа гнедой махнул хвостом, пытаясь попасть мне по физиономии. Таким образом выразив все, что он думает обо мне, о пейзажине и о той кляче, Гневко собрался вернуться к недоеденным ромашкам. Но тут уж я не выдержал:

– Друг называется! Почему я один должен о деньгах думать? А мне каково было, когда мы у той дуры жили?

Гневко остановился и слегка скосил глаз в мою сторону.

– Го? – удивленно спросил он.

– С чего это ты взял, что мне там нравилось? – обиделся я. – Как же ... Так нравилось, что я без порток был готов сбежать. Из-за тебя страдал. Думал, ладно, так уж и быть – до весны эту толстую дуру поублажаю, зато мой скакун будет в теплой конюшне да в сытости, да с кобылками молодыми. А ты... Я тебя часто о чем-то прошу?

Жеребец пристыжено застриг ушами, мотнул гривой: «Ну, прости, прости, не знал я...»

– Вот, господин рыцарь, мы и пришли, – слышался бойкий говор пейзажина. – А это – лошадка моя, Снежинкой звать. Красавица!

«У-у-у!» – завyli мы с гнедым в один голос.

Снежинкой кобылку можно было назвать только с большого перепоя... Шкура, может, и была когда-то белоснеж-

ной, но изрядно потемнела и полиняла от времени. А тут еще красавица и приволакивала ногу...

«Уж не сап ли» – забеспокоился я и подошел поближе глянуть на лошадиные бабки. А, нет – залысин не видно. Надо бы копыта осмотреть, но это уж пусть хозяин сам разбирается, его лошадь. Чувствовалось, что «Снежинке» не восемь и даже не десять лет, а все двенадцать с гаком. Ей бы не о жеребьях думать, а о том – как бы к живодеру не попасть...

Однако при виде гнедого красавца кобылка воспрянула, как старушка-нимфоманка перед молодым любовником, – выпрямила спину, подняла хвост и кокетливо заржала. Правда, ржание было с легким покашливанием...

– Вот, видишь, господин рыцарь, какая красавица?! – горделиво сказал селянин, любуясь на свою э-э ... кобылку.

Я осторожно перевел взгляд на Гневко. Бедолага стоял, широко расставив копыта и опустив голову до земли. Казалось, с места его теперь не сдвинешь. Пришлось подойти к другу поближе и осторожно положить ему руку на холку:

– Ну, может, тебе глаза закрыть? Давай, попонку наброшу, – заюлил я, чувствуя себя последней сволочью. – А ты представь себе, что с другой...

Гневко посмотрел на меня исподлобья: «Ну и гад же ты! Сам бы пробовал!» А я подумал: «Надо было у мужика деньги вперед брать...»

– А помнишь, прошлым летом? – соорстил я умильную физиономию. – Кобылка у тебя была...

«Которая?» – прищурился наглец. Дескать, много их было, где ж упомянуть-то всех...

– Ну, которая вся такая знойная, мавританская... помнишь? Копытцем топнет – аж дым из ушей! А шея у нее, а спинка... Вспомнил?

Кажется, мой боевой друг и соратник вспомнил... В глазах загорелся огонь.

– Во-во, она самая, – провоцировал я друга, чувствуя себя старым сводником. – Ты на клячу-то эту не смотри, а ту вспоминай!

... Они с «мавританкой» сбежали куда-то в леса и поля и вернулись через неделю – тощие, как февральские грачи, но счастливые, как мартовские кошки. В другое время Гневко получил бы от меня нахлобучку. Но в тот раз я и сам напоминал драного помойного кота, потому что хозяйка «мавританки» не уступала в страсти своей кобылке...

Гневко обреченно вздохнул. Коротко кивнув даме, гневдой целеустремленно пошел вперед, в сторону ближайших кустиков. Никаких там заигрываний или ласковых покусываний за шею. Меня застеснялся? Так я бы отвернулся!

Лошадка, слегка растерявшись, возмущенно заржала: «А поухаживать?» Но гневдой продолжал идти, не обращая внимания на протесты. «Барышня» немного постояла и затрусила следом. Все-таки такие кавалеры подворачиваются нечасто.

Когда из кустиков раздалось удовлетворенное ржание ко-

былки, я молча протянул пейзажнику раскрытую ладонь.

– Дак, может, еще и не того. – Хитровато посмотрел он мне в глаза. – Может, плохо он ее... Подождать бы чуток, посмотреть – понесла ли. У нас пока, значит, кобыла не понесет, денег не плотют...

Получив затрещину, мужик покатился по земле. Перевернувшись пару раз, он вспахал носом землю и замер, притворившись мертвым. Ну точь-в-точь как жук, которого поймали мальчишки. Хм, будто бы я не знаю силу удара...

– Четыре талера! – повысил я цену и пригрозил: – Будешь изображать обморок – заберу и телегу, и кобылу. С приплюс-дом! – добавил я мстительно.

Мужик резво вскочил и побежал к телеге. Вернувшись, стал совать монеты.

– Вот, ваше сиятельство, – испуганно затараторил он. – Тут ровно на четыре талера...

– Ладно, – смиростивился я. – Пусть будет три, как уговари-вались.

Пейзаннин расцвел, выдал две серебрушки и целую горсть фартиггов. Талеры были имперские, а медяки – произведе-ние какого-то местного герцога. Тот на меди не экономил, поэтому по весу они не отличались от талеров. «Не перепу-тать бы» – сделал я зарубку в памяти.

– Господин рыцарь! – весело предложил мужичок, на ра-достях позабывший о зуботычине: – А может, пока они свои дела делают, мы с вами слегка, того... перекусим? Отме-

тить бы.

Слегка оттопырив нижнюю губу, я попытался было изобразить горделивое недоумение, но почувствовал, как брюхо начинает урчать.

Пейзанин побежал к телеге (и чего он ее так далеко оставил?), притащил увесистый окорок, вяленую рыбу, хлеб и парочку луковиц. Потом, заговорщически улыбнувшись, извлек из-за пазухи глиняную фляжку:

– Вы уж, господин рыцарь, простите, – повинился он. – Кружек-то у меня нет. Так что вы – первый!

«Ишь, какой вежливый!» – усмехнулся я про себя и отстранил баклажку.

– А вы что – не потребляете? Или брезгуете? – вытаращился крестьянин. – Здря, все чистое. А шнапс сам делаю, из лучших яблок. Соседи со всего графства съезжаются!

– Не переживай, – успокоил я мужика, кромсая мясо на кусочки, а каравай на ломти. – Просто – не пью.

Мужик озадаченно покрутил головой и сделал основательный глоток. Прищурившись и подождав, пока жидкость не упадет в желудок, ухватился за луковицу и с аппетитом откусил половину. Вторую луковицу я успел почистить и порезать – сам люблю копчености с луком!

– Эх, хорошо! – блаженно выговорил пейзанин, вытирая слезы, что выступили то ли от «влаги», то ли от лука.

Посидев немного, мужик приложился к фляжке и вновь захрустел. Еще через пару глотков, когда хмель уже стукнул

по мозгам, а главная закуска была изничтожена, мужичок осмелел:

– А ты, р-рыцарь, совсем не пьешь? И р-раньше – не пил?

– Раньше – пил, а теперь – не пью, – снизошел я до ответа.

– А-а, – протянул мужик, делая вид, что понял. При этом не забывал прихлебывать. Кажется, его окончательно «догнало».

– А в-с-с-е-т-т-а-ки, п-почему? – не унимался селянин.

– Не хочу, – отмахнулся я. Как же меня достали с этим вопросом!

– А п-поч-чему н-не пёшь? Бррезггаешь?

Э, как же его развезло-то! Ну все, теперь начнется – уважаю или нет!

– Т-ты д-маш, шта е-е-шшли с мчом, то шшразу и – ррыць? Ккой тты ррыцрь, если не пёшь... Не уважаешь, з-нначится тех, к-тто т-т-а-к-их кка-к тты кормммит!

– Не уважаю! – откровенно ответил я, отправляя мужика спать коротким тычком чуть ниже уха. Авось, когда проспится, то будет думать, что головная боль – следствие похмелья...

Пока мы тут заседали, наша парочка уже сделала свое дело. Первым из-за кустов показался Гневко. Он выступал с небрежно-горделивым видом, словно король, только что подписавший Манифест об отречении от престола. Следом за ним ... Нет, не шла, а порхала кобылка. Она, словно забыв о возрасте и положении рабочей скотинки, увивалась вокруг

жеребца, как невеста после первой брачной ночи. Ей бы еще крылышки, так и совсем бы взлетела.

Гнедой подошел ко мне и, презрительно оттопырив нижнюю губу, посмотрел в глаза: «Ну, что гад, доволен?».

Я виновато пожал плечами. Чтобы хоть как-то сгладить неловкость, разломил пополам остатки каравая и протянул коню. Немного пофыркав и поиграв в обиженного, он соизволил съесть. Потом, слегка подмигнув мне левым глазом, Гневко сообщил, что кобылка, в общем-то, ничего, хотя и в возрасте.

Я вздохнул с облегчением. Конь, разумеется, меня бы простил. Но было бы тягостно сознавать, что использовал друга в корыстных целях, а тот не получил даже удовольствия. Ну, зато теперь у нас есть деньги. По-крайней мере, можно протянуть недельку-другую.

Проснувшись на рассвете, я понял, что прекрасно выспался. Воздух – свежий, брюхо – сытое. Гнедой, спавший еще меньше меня, бродил по полянке, умудряясь щипать траву и деликатно оттирать плечом кобылку, назойливо вертевшую перед ним хвостом.

Пока разминался, сосед стал подавать признаки жизни. Держась обеими руками за голову, селянин хрипло пробурчал:

– Вот, сподобило же так нажраться! А что, ваша милость, вы вчера правда не пили, или мне почудилось?

Вместо ответа кивнул ему на фляжку, в которой еще что-

то оставалось:

– Полечись, болезный...

– Н-не, – с отвращением посмотрел на баклажку мужик. – Я теперь с месяц пить не буду. А то и вообще – брошу... – нерешительно пообещал он. – Вот, ваша милость не пьет, так и головой не мается. Водички бы хлебнуть.

– Родничок – там, – указал я.

Пейзанин долго приглядывался, пытаясь собрать глаза вместе, а потом пошел в указанном направлении. Спотыкался, раза два упал. М-да, бывает...

Гневко, узрев, что я проснулся, обрадовался. Кажется, ему уже осточертели домогательства перезрелой особы, и теперь он был готов куда-нибудь сбежать.

Мы собрались быстро. Гнедому – тому вообще собирать нечего. Ну, а мне оседлать коня и прикрепить к седлу походную сумку, где уместались скудные пожитки, дело пары минут. А все остальное я снимаю лишь тогда, когда ложусь спать. Возможно, кому-то покажется смешным человек, разъезжающий и в холод и в жару в панцире и шлеме, да еще и со щитом за спиной, но только не мне. Привык, знаете ли. Правда, копыя и лука со стрелами у меня не было. Если удастся наняться к кому-нибудь, то об этом должен озаботиться наниматель. Ну, а на самый крайний случай, в сумке есть наконечники для копыя и стрел. Ежели что – вырубить копейное древко да настроить черенков – раз плюнуть. Шелковый шнурочек для тетивы тоже где-то был. В са-

мом крайнем случае – попрошу гнедого пожертвовать десяток-другой волосков из хвоста и сплету «цепочку». Лучник из меня скверный, но в корову с двадцати шагов попаду.

Когда мы с гнедым уезжали, за спиной еще долго были слышны матюги крестьянина и недовольные всхрапывания кобылки. Ей, бедняжке, предстояло превратиться из «невесты» в рабочую скотинку. А уж что будет, когда она принесет долгожданного «кобыленка», выкормит его, не хотелось и думать...

Лесная тропа, по которой мы двигались, вывела на широкую торную дорогу вдоль реки. Стало быть, скоро приблизимся к мосту или переправе.

Не прошло и получаса, как показался каменный мост. Чуть в стороне – каменная (!) хижина. Не иначе – смотрителя и сборщика подати. А вот и он сам. Здоровый. И не просто здоровый, а очень здоровый! Когда парень приблизился, обнаружилось, что его волосатая морда – на одном уровне с моей головой. Но я-то сидел в седле! Прямо – не человек, а гoblin какой-то.

Ни мне, ни Гневко бугай крайне не понравился. Даже не из-за того, что был здоровым, а потому, что пахло от него... Не то – псиной, не то потом. Чего проще: сходи да помойся – вода-то рядом. Еще нам не понравилась здоровенная, под стать смотрителю и на вид едва ли, не каменная, дубина.

– Мостовые давай. С всадника – один фартинг!

Бугай требовательно протянул лапу, покрытую жесткой, как у кабана, шерстью.

«Справедливо», – рассудил я, вытаскивая кошелек. Содержать каменный мост стоило немалых денег. Прижимистые пейзажи предпочитали каждую весну поправлять покосившиеся сваи, перекрывая их сырыми бревнами и застилая кривыми жердями, нежели платить мастерам-каменщикам за выбиваемые водой камни.

Я достал из кошелька монету, но вместо медяка вытащил талер. Только собрался поменять, как детина ухватил с моей ладони серебро и сунул куда-то за пояс. Потом посторонился, давая проход.

– Э, парень, стой, – забеспокоился я. – Извини, дорогой, ошибка вышла. Ты у меня талер взял вместо фартинга. Давай поменять. Или сдачу гони!

– Хе-хе-хе! – засмеялся гоблин мелким смешком, неприличным для такого крупного тела.

Помахав дубиной, едва не зацепив гнедому нос, сделал правой рукой неприличный жест.

– Значит, деньги мои ты зажил? – уточнил я на всякий случай.

– Хе-хе! – заблеял детина и повторил жест.

– Гневко... – сказал я негромко.

Только в плохих романах, которых мне довелось прочитать больше, нежели философских трактатов и теологических диссертаций, пишут о том, что кто-то там (разбой-

ник, или мститель какой, неважно) «махнул кистенем». Если «махнешь», а рука уйдет в сторону – подставишь собственную шею или голову. Кистень следует бросать очень точно и аккуратно!

Кажется, башка у парня была из того же материала, что и его хижина. У любого другого черепушка разлетелась бы вдребезги. А этот... Я даже удивился, что после первого попадания он вскинул дубину. И, если бы успел, пришиб бы, не только меня, но и коня. Только вот попасть он уже никак не мог, потому что я бросил стальной шар не один раз, а три... После второго удара здоровяк мотнул башкой, роняя дубину, а после третьего упал сам.

Парень оказался живучим. Пока я шарил за его поясом, доставая свой кровный талер (конь зря, что ли, трудился?), он успел очнуться. Может, следовало бы его дорезать, но кто тогда будет ремонтировать мост?

Когда я запрыгивал в седло, здоровяк зашевелился. Вот уж точно, посмотришь на такое страшилище – хоть книгу о великанах сочини!

– Мостовые возьми, – бросил я парню его законный фартинг.

Когда уезжал, заметил, что гоблин плакал, зажимая голову лапой и вытирая слезы дубиной. Гневко, расчувствовавшись без меры, заметил: «И-го-го».

– А то я сам не знаю! – в сердцах бросил я другу. – Ну, расстроился парень... А кто его просил мой талер зажили-

вать? У тебя что – денег лишка?

– Го-го, – грустно согласился Гневко и потрусил дальше.

Через пару часов мы доехали до деревни. Что же, теперь уже можно бы перекусить самому и угостить гнедого обещанным овсом.

Трактир (он же постоянный двор) оказался там, где и положено – в середине деревни, на пересечении улиц (они же проезжие дороги).

– Чего желаете? – спросил хозяин, стоявший у входа.

Мне понравилось, что он спросил без подобострастия и без обычной для пейзажей неприязни к наемникам. На морде у меня не написано, что наемник, но кем еще мог быть человек, вооруженный до зубов, но без герба?

– Обед, – выдохнул я, подъезжая к крыльцу. – Мне – мяса побольше, а ему – овса. Не перепутай.

– Постараюсь, господин драбант, – невозмутимо ответил хозяин, понравившись мне еще больше. В сущности, драбант – другое название наемника, но звучит не в пример красивее.

Около конюшни был проложен каменный желоб, по которому стекала вода из огромной бочки. Гнедой внимательно осмотрел воду и, осторожно понюхав ее, сделал небольшой глоток. Видимо, проба его удовлетворила, поэтому он принялся пить. Сам я зашел чуть ниже, чтобы не загрязнять парную воду и умылся. Хорошо бы помыться полностью, но это попозже, после еды!

Сумку закинул на плечо, а седло и шлем бросил в угол. Хотел бы посмотреть на безумца, который бы попытался стянуть мои вещи, если рядом Гневко.

Проследив, чтобы хозяин засыпал столько зерна, сколько нужно, решил побеспокоиться о себе.

Большую часть трактира занимал длинный стол, за которым уже сидели мужики, потягивающие пиво. Было несколько столиков поменьше. Облюбовав местечко у окна (чтобы были видны оба входа и то, что творится на улице), сел.

– Что пить будете? – поинтересовался хозяин. – К сыру, наверное, пиво? Есть красное и белое вино, водка...

– А квасу не найдется?

– Пожалуйста. – И не моргнув глазом, тотчас же распорядился: – Квасу для господина драбанта!

Мальчишка лет двенадцати притащил квас, хозяин наполнил деревянную кружку и, пожелав приятного аппетита, ушел.

Пейзане, успевшие «выщедить» по паре кружек пива, недоуменно переглянулись. Надеюсь, после третьей-четвертой у них еще хватит ума не задавать глупые вопросы. Пока я жевал сыр, запивая квасом, краем уха прислушивался к разговорам. Узнал, что репа нынче уродилась – ничего, а капусту подъела какая-то тля. Узнал еще, что смотрителя моста побил какой-то бродяга...

– Великан это был! – авторитетно сказал один из мужиков, сдувая пену. – Нашего гоблина вдесятером не осилить.

– Да уж, больше некому, – степенно согласились остальные. – Только великан!

Так легенды и рождаются. Сказок, выросших на пустом месте, я наслушался вдоволь. Чего стоят рассказы о «духах леса» – эльфах и прочих леших! Насмотрелся я на этих «эльфов», когда довелось побывать на Оловянных островах и послужить в отряде местного шерифа. Чего только не говорили: дескать, «эльфы» невидимые, ходят бесшумно... Правильно, невидимые, если носить зеленые куртки и зеленые штаны в зеленом лесу, да еще устраивать засады, не оставляя после себя живых свидетелей. Ну, а слухи о том, что атаман Локсли отбирает деньги у богачей и отдает их беднякам? Можно подумать, богачи только и делают, что шляются по лесным дорогам... На что же тогда жили разбойники круглый год? А сколько леса спалили? Добро бы для костров, так нет. Иной раз «эльфы» устраивали пожары для того, что бы испугать крестьян и в суматохе пошарить в их хижинах...

Черта с два бы мы поймали «эльфов», если бы не крестьяне. Кому понравятся постоянные грабежи? Сеньор, он хоть и дерет налоги, но, по крайней мере, известно – в какое время он их дерет. И, главное, сколько ему нужно яиц, кур и зерна. Ну и, сеньор-то, он, от другого сеньора оборонять будет. А эти, «зеленые»? Налетят, как сарацины, отберут последнее. А ты еще должен им говорить спасибо и распевать песни о смелых парнях, что не боятся королевской

власти и уходят ватагами в лес. В лес, как же... Ладно, если раз в месяц оленя подстрелят. А в остальное время? Опять-таки – хлеб им давай, паразитам, лук. А соль? А девки? Сеньор выполняет свой долг во время первой ночи, чтобы мужу потом легче было, а наутро одаривает девственников (ну, бывших уже) приличными деньгами. А эти, «лесные», норовили задрать юбку за бесплатно... Убыток! Во-первых, кто возьмет «порченную» девку замуж? Во-вторых, даже если кто и возьмет, то сеньор, не обнаруживший девственности, ни за что не даст приданного.

Сейчас говорят, что атамана Локсли, по прозвищу Добрый Малый, казнил злодей-шериф. На самом деле, когда мы нашли лагерь разбойников (крестьяне и провели!), захватили их «тепленькими» после очередной попойки, то в первом же городишке собралась толпа пейзан. У кого-то убили сына, у кого-то изнасиловали дочь... Отбить бандитов мы не смогли. А не прошло и года, как стали петь песни о славном парне...

Вот и тут: ну, поселился у моста охранник. Ну, подумаешь, здоровый. И что? А все заладили: «гоблин», «гоблин»...

Я удивился не тому, что меня сравнили с великаном. Поразило другое – скорость распространения слухов! Мужики не могли приехать в трактир раньше меня! Наверное, прав тот мудрец, у которого я когда-то учился, когда уверял, что скорость распространения слухов быстрее, нежели скорость

полета стрелы, и сопоставима лишь со скоростью молнии...

Тут как раз и подоспел обед. Кажется, сказав, что хочу «много мяса», я погорячился. Видимо, в представлении хозяина целый поросенок – это то, что нужно изголодавшемуся путнику. На широкой деревянной тарелке, где возлежал этот деликатес, были еще и здоровенный, в полкаравая, кусок хлеба, и головка чеснока.

– Да тут на пятерых! – удивился я.

– Что не съедите – с собой возьмете, – улыбнулся хозяин. – Как говорят, лучше переспать, чем недоесть.

Философ. Хотя, хозяин мне нравился – нелюбопытен и основателен. Под стать его поведению была и кухня. Поросяенок, показавшийся крупным, исчезал с тарелки быстрее, чем я предполагал. Пожалуй, брать с собой будет нечего.

Со страшной скоростью передо мной вырастала гора костей. Мальчишка успел притащить еще один жбанчик кваса. Я сидел, наслаждаясь покоем. От сытости стало спокойно и хорошо. Правда, не настолько, чтобы не заметить клубы пыли за окном и группу всадников, остановившихся во дворе, возле конюшен.

Верховых было человек пять, но шумели на добрую дюжину – нарочито громко хохотали, отпускали тупые шутки, понятные только им самим. Словом – вели себя как хозяева жизни. Сразу видно, что народ молодой, глупый и непуганый...

Двое принялись расседлывать коней, а трое направились

в помещение. Хозяин поморщился, но взял себя в руки и, напялив на физиономию приветливую улыбку, выскочил встречать гостей. Мужики спешно допивали пиво.

Троица – наглые парни в кольчугах, с мечами на поясе, ввалилась одновременно. Один из них громко скомандовал.

– А ну-ка, быдло, быстренько отсюда! Щас господин барон приедут!

– Нечего их сиятельству ваши портянки нюхать, – добавил второй и заржал.

«Ясное дело, – вздохнул я. – Доблестные баронские дружинники...»

Мужики, ринулись к выходу. Выпроводив их пинками, парни принялись бить трактирщика:

– Ты чё мужичье привечаешь, когда барон едет?

Хозяин, закрываясь от ударов, оправдывался, но экзекуторы не хотели и слушать:

– Да по хрен, что ты не знал! Ты жопой должен чувствовать, что их сиятельство сюда едут! И чтобы к его приезду и духу мужицкого не было...

«А ведь барон этот, ничем не лучше разбойника, – грустно подумал я. – Не понимает, что рано или поздно его же собственные вилланы за вилы схватятся. Сначала дружинников уколошат, а потом и до его доберутся»

Я уже собрался встать и идти на выручку трактирщика, как дружинники сами соизволили обратить на меня внимание.

– А ты, почему с мечом? А, наемник! Тебе чё, наемник, особое приглашение требуется? Щас, сделаю... – подошел ко мне один из парней и попытался ухватить меня за шиворот...

Не люблю, когда хватают так бесцеремонно. Впрочем, когда хватают с церемониями, тоже не люблю.

Убивать дурака не хотелось, поэтому пришлось взять его за руку и крепко пожать... Думаю, кости я ему не раздробил, но сломать – сломал, потому что парень, тоненько вереща, принялся кататься по полу. Двое других, не враз и понявшие, что случилось, бросились на меня.

– Ты, быдло? – завопил один, замахиваясь мечом. – Ты на кого хвост поднял, тварь безродная, сучий выкидыш?!

Этих я снял, бросив в них косточками. Подумав, что я – человек добрый, «засветил» и в увечного, чтобы слегка приглушить его боль. Хороший был поросенок...

– Сколько с меня? – поинтересовался я у хозяина.

– Нисколько! – замахал тот руками. – Давно мечтал, чтобы им кто-нибудь морды набил. Без году неделя, как от сохи оторвали, а теперь власть показывают.

– А барон?

– А что барон? – пожал трактирщик плечами. – Ну, пожалуюсь я ему, а что толку? Ну, прикажет их выпороть, а потом?

– У барона только дураки служат?

– Да нет, есть и другие, – усмехнулся хозяин. – Но дураков

больше...

– Ну ладно, – вздохнул я, осматривая троицу.

У одного на поясе болтался кошелек. Срезав его, я высыпал на столик деньги – талер и с десяток медяков:

– Хватит?

Трактирщик, замотал было головой, но передумал и сгреб монеты. Все равно на меня спишут! Потом притащил каравай хлеба, окорок и полголовки сыра. Протянув припасы, уважительно проговорил:

– Это вам в дорогу, господин... рыцарь.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я, упрятывая вкусности в сумку. Поправлять трактирщика, уверяя, что я не рыцарь, не стал.

Во дворе, между тем, разыгрывался спектакль. Двое оставшихся молодцов, зашедшие в конюшню, вылетели с воплями... И чего совались, если гнедой еще не доел свой обед?

Посмотрев на растерянных парней, потиравших ушибленные бока, я зашел внутрь. «Подожди немного!» – мотнул головой жеребец, торопливо дожевывая овес, которого хватило бы на трех меринов! Его, кстати, не волновало, что пускаться в путь-дорогу с набитым брюхом вредно для здоровья.

Когда мы были готовы (гнедой оседлан, а имущество заняло привычное место), я вывел Гневко из конюшни и обнаружил, что нас взяли в полукольцо человек пятнадцать вер-

ховых с пиками наперевес.

Я перекинул щит на грудь, раздумывая, – запрыгнуть ли в седло и прорываться без боя (а проще говоря – удрать!) или немножко повоевать? Разумеется, пятнадцать всадников – это сила, но... Большинство дружинников – крестьянские парни, взявшие в руки копья не более, чем лет пять назад. Для нас с Гневко они серьезной опасности не представляли. Воевать умеют только с такими же, как сами.

Были тут и более серьезные люди. Один, лет тридцати пяти, судя по гордым повадкам и хорошим доспехам – сам барон, и с ним троица: один – постарше меня, в короткой кирасе, возможно, капитан, да двое парней в рубахах из толстой кожи.

– Ты кто такой? – взревел барон. – По какому праву избил моих людей?

– Артакс, наемник. Людей твоих я не бил, а поучил хорошим манерам, – почтительно ответил я на оба вопроса.

– Своих людей могу наказывать только я! – веско изрек барон. – А не всякая шваль, что бродит по дорогам. Понял?

– Понял, – покладисто ответил я, решив, что придется драться.

– Ну, а раз понял – останешься жив. Отделаешься поркой и штрафом.

– И что ты с меня собираешься взять? – поинтересовался я. – С дорожной-то швали?

– Конь у тебя неплох... – задумчиво сказал барон, огля-

дывая Гневко цепким взглядом. – Слишком хорош для «пса войны».

– Тут вы, господин барон, абсолютно правы! – весело согласился я. – Но он мне самому нужен!

Капитан, потрогав шрам на щеке и, видимо вспоминая что-то такое, личное, зашептал:

– Господин барон... Этот наемник опасен...

– Ты что, Виктор? – кипя от гнева, спросил барон. – Боишься какого-то вшивого наемника? Подумаешь, псина...

– Господин барон, – почтительно, но твердо проговорил капитан. – Это не простой пес. Он нам половину дружины положит. А эти дураки сами стали задираться.

Я посмотрел на капитана чуть внимательней. А он непрост... И барон был далеко не дурак – понимал, что если один наемник не боится целой дружины, то это что-то да значит. Еще чуть-чуть, и мы бы мирно разъехались, но все испортил молокосос, не понимавший, почему пятнадцать не должны связываться с одним?!

– Да как ты с Его Светлостью разговариваешь, быдло? – яростно заорал юнец, нацеливая копьё...

Парень пробил бы меня насквозь, если бы попал... А я лишь чуть-чуть отодвинулся и удар, пришедшийся в пустоту, вырвал дружинника из седла, уготовив ему встречу со стеной конюшни.

На меня ринулись еще двое. Отобрав у одного копьё и, действуя им как боевым шестом, выбил обоих из седла...

– Назад! Все назад! – заорал капитан, бросаясь между мною и дружинниками.

– Вроде бы никого не убил, – буднично заметил я.

Боя не получилось. Барон посмотрел, как его люди (судя по виду – не самые неумелые!) приходят в себя, отвернулся, делая вид, что меня вообще не существует.

Оторвавшись, я услышал, как взводится тетива арбалета, и мы с Гневко едва успели отскочить в сторону...

Виктор добросовестно пытался построить отряд. И не его вина, что не успел: я начал бросать ножи, и капитан упал первым. Оба сержанта получили легкие ранения – поводья держать смогут, а махать мечами – нет! Ну, а арбалетчика я щадить не стал... Дружинники защищались храбро, но бестолково. Возможно, они сражались бы лучше, если бы их атаковало человек десять-пятнадцать, да на широкой местности. Парни мешали друг другу, цепляясь копьями за щиты соседей. Когда я въехал в середину отряда, они уже проиграли, не догадавшись, что нужно отбросить копья и схватиться за мечи. И уж никто не ожидал, что гнедой жеребец будет играючи опрокидывать их коней, топтать копытами спешившихся и кусать за руки...

На пороге замер оцепеневший трактирщик. Он, кажется, не успел понять – что тут произошло.

– Ну, чего смотришь, воду неси! – крикнул я.

Первым была оказана помощь капитану. Виктор зашевелился, застонал, а потом, хоть и с трудом, сумел подняться

на ноги.

– Лихо ... ты ... нас... – держась за шишку на голове, простонал командир дружины.

– Ну, так получилось, – пожал я плечами. – Незачем было из арбалета стрелять.

Мы пошли по двору, ставшему полем боя, разбирая раненых и убитых, а я заодно разыскивал метательные ножи. Из семи штук удалось разыскать только четыре. Обычно находил все – ходишь и вытаскиваешь из трупов. Тут-то бил не на поражение, рукояткой, вот и разлетелись, не сыщешь... Жалко, хорошие были ножички.

Оглядывая тесный дворик, поймал себя на мысли, что драться около конюшен приходится не в первый раз. И, возможно, не последний.

Кроме арбалетчика, погиб один из молодых, попавший под копыта. Невелика потеря. Только свистни – набегут новые парни, которым ещё невдомек, что крестьянин живет дольше дружинника. Нашли и владетельного барона. Его милость был в целости и сохранности – сидел на четвереньках и громко икал.

– Как вы, господин барон? – поинтересовался капитан, приподнимая своего сеньора.

– Т-ты кто? – заикаясь и борясь с икотой, спросил барон.

– Я – капитан, – обеспокоенно сказал Виктор.

– Д-да не т-ты, Виктор, а – т-ты...

– Наемник, – вынужден был повторить я. – Память от-

шибло?

– Эт-то, ик, я уже слышал. Наемники т-такие не б-бывают...

– Да они разные бывают, – пожал я плечами. – Есть и хуже. Отпившись водой, принесенным добросердечным трактирщиком, и шнапсом, отыскавшимся у капитана, барон окончательно пришел в себя. Заикаться перестал, взгляд приобрел осмысленность:

– Доспехи и коней возьмешь? Или деньгами?

Ах ты, а ведь точно! Я и не подумал, что по праву победителя могу забрать коней и оружие. Да и господин барон теперь мой пленник.

– Выкуп, – решил я. – За вас, господин барон – сто талеров, а за людей – по десять.

– Почему так мало? – вскинулся барон. – Да я не меньше пятисот стою! А люди мои, да каждый не то, что по десять, а ...

Тут он сник, поняв, что, дружинники, не сумевшие защитить сеньора от одного противника, стоят немного.

– Ладно, – смиловился я. – С вас – пятьсот. С людей и коней по двадцать за голову. Доспехи и мечи брать не буду. Когда получать?

– Через неделю, – пошевелив губами и что-то прикинув, сообщил барон. – Придется к ростовщику ехать, что-нибудь закладывать. А так – поживешь у меня в казармах.

– Почему в казармах? – удивился я. – Могли бы и на го-

стевую комнату расщедрится, для победителя.

– Ты же не дворянин. Или все-таки дворянин? – с надеждой уставился он. – Где герб?

Объясняться с господином бароном насчет дворянства или отсутствия оно́го я не стал. Ехать к нему в казармы? Пожалуй, в родимых стенах он подумает – а стоит ли возвращать долг наемнику без герба?

– Давайте так, барон, – решил я. – Я заберу все, что найду у вас в карманах и кошельках и будем считать, что вы уплатили выкуп сполна.

Удалось найти пятьдесят монет талерами, да сотни две медяков разного достоинства. Для меня, что накануне зарабатывал деньги собственным конем, – сумма несусветная!

Когда я ссыпал боевую добычу в кошелек, барон в задумчивости спросил:

– Все же – что ты за наемник? Я пятнадцать лет воюю. Насмотрелся на вашего брата. Другой на твоём месте предпочел бы порку, а не драку.

– Вы воюете пятнадцать лет, – усмехнулся я, вскакивая в седло. – А я – каждый день!

Глава вторая

Хранитель тела ...

Гневко доволен: овсом подкрепился, подрался на славу и опять в дороге! Погода теплая и дождя не предвидится. Ну, а что еще нужно для полного жеребцового счастья? О разных мелочах, вроде крыши над головой, пусть у хозяина голова болит.

К вечеру мы выехали к небольшой речке и присмотрели местечко для отдыха. Было еще светло, поэтому я решил разобрать дорожную сумку: высыпал все содержимое на плащ и приступил к разбору реликвий.

Обывателям кажется, что наш брат только и делает, что кочует с места на место в поисках приключений. Но на самом деле «псы войны» бродяжничают тогда, когда их хозяина либо убьют, либо возьмут в плен. Мы не вассалы, что обязаны выкупать сеньора или лить слезы на его могиле. Конечно, слезу, коли нужно, пролить сумеем, особенно, если за это отдельно заплатят. Наемник, после потери «кормильца», предпочитает пристроиться на «хлебное» место: в королевскую армию, в герцогскую или баронскую дружину. Ну, на самый крайний случай – в купеческую охрану или городскую стражу. Мне с этим обычно везло. На самом дне дорожной сумки, в чистой тряпице, лежат боевые награды, заработанные в разных странах.

Есть награды, что кроме воспоминаний, иной ценности не имеют. Скажем, некоторые августейшие особы повелись выдавать нашему брату медали. И, добро бы – золотые или серебряные, так нет – бронзовые и медные! У меня накопился целый ошейник, где крепилось с десятков «Веры и верности», «Честностей», «Честностей и храбростей» и еще каких-то разномастных наград, по которым можно изучать историю и географию Швабсонских земель. В этих краях говорят на одном языке, но королей, герцогов и прочих владетельных суверенов не счесть...

Можно взять и напялить на себя все имевшиеся регалии. Но это выглядело бы так же глупо, как выезжать на поле боя в полном турнирном доспехе: красивом, прочном и бесполезном из-за тяжести. А что до медалей ... Ценится не то железо, что на шее, а то, что в руке.

Правда, в коллекции есть такие награды, что не постыдился бы иной герцог. Чего стоит «Башня и крест»! Конечно, в материальном воплощении он ни тоффеля не стоит, хотя и весит добрых три фунта.

Получил я его во время войны, затеянной принцем против короля, приходившегося ему старшим братом. Король очень долго штурмовал крепость, где сидел его брат-мятежник. Рота, которой я командовал, захватила надвратную башню и удерживала ее до подхода основных сил. Твердыня была взята, а мятежный братец отправлен в другую крепость уже не как принц крови, а как узник. Король, на радостях, учре-

дил орден. Никто толком не понял, что означал сей знак: то ли торжество законной власти (крест!) над мятежниками (башня!); то ли дух королевской власти (и крест, и башня).

От роты, взявшей башню, осталось семь человек, поэтому награждали вельмож. Я попал под раздачу чисто случайно. Наверное, король решил подразнить своих аристократов!

«Бешенный крест», как обозвали награду остряки (им, наверное, тоже хотелось украсить себя железякой, но – обломилось!) изготавливался из настоящего, первосортного железа, обошедшегося казне в ломаный фартинг, потому что сырье подбирали прямо на поле боя... Король, чтобы объяснить скупость, заявил, что главным мерилom должна быть не материальная, а духовная ценность! Вельможи быстро придумали выход – заказали у ювелиров золотые дубликаты, на что король не возражал.

В те дни я имел кое-какие виды на будущее в этом королевстве, посему тоже стал подумывать о копии, но случилось то, о чем до сих пор пишут в книжках, – узнику передали пирог с начинкой из веревочной лестницы и кинжала. Дело, в общем-то, темное, но закончилось оно для мятежного принца светло и радостно: дворцовая гвардия предпочла свергнуть старшего братца и посадить на престол младшего. Экс-короля отправили в почетную ссылку, где он и погиб. Егеря, загонщики и прочие участники охоты, включая борзых, были наказаны...

Я не успел принять участия ни в заговоре с целью сверже-

ния тирана, ни в защите законного монарха, потому что находился в приграничной крепости. Нет, не на положении узника, а напротив – был назначен туда комендантом. Потом, как и положено, начались гонения на сторонников бывшего узурпатора. Про наемника никто бы не вспомнил, не будь я кавалером злополучного ордена. Новый король объявил «Башню и крест» аннулированным. Кавалеры, под угрозой опалы и ссылки, были обязаны сдать знаки отличия в королевскую канцелярию и принести покаяние.

Решив не дожидаться указа о ссылке, я сбежал. Не потому, что питал какие-то чувства к свергнутому королю (ну, какая мне разница, кому служить?), а узнал, что те из кавалеров «Башни и креста», кто каялся, пропадали по возвращению из королевского дворца... Полиция, разумеется, упорно и безрезультатно разыскивала злоумышленников, а потом пришла к выводу, что «имело место месть со стороны бывших сторонников узурпатора».

Оказалось, что я правильно сделал. Не люблю гражданские войны, а гвардии понравилось возводить и свергать королей...

Младший братец пробыл на престоле только полтора года. После двухмесячной резни на престол уселся дальний родственник убитых королей, сумевший скрутить гвардию в бараний рог, а потом и вовсе – расформировать ненадежные подразделения и создать новые, лично ему преданные.

Основоположник новой династии одним указом отменил

многие законы и распоряжения своих предшественников, в том числе и аннулирование «Башни и креста» (да и кавалеров не осталось!). Так что, я имею полное право носить на шее, на стальной цепи стальной же орден, с тарелку величиной.

А вот другой знак отличия мог бы быть и потяжелее! Браслет с надписью «За верность», изготовленный из красного золота и украшенный изумрудами, весил всего полфунта. Я таскаю его с собой пять лет, но до сих пор не выковырял ни одного камушка...

Пять лет назад

Герцог Отто Уррийский – невысокий крепыш с седой головой, был, как оказалось, умен и подозрителен.

– Был комендантом крепости? – недоверчиво спросил герцог. – И у тебя есть доказательства?

Я протянул ему указ за подписью короля. Ну, теперь уже – бывшего короля.

– Хм! Странно! – недоверчиво скользнул герцог взглядом по подписи и печати. – Очень странно назначить наемника на должность, за которую обычно претендуют заслуженные офицеры-ветераны. Очень странно...

– Вот, – протянул я герцогу Уррийскому свой орден «Креста и башни».

– А! – развеселился владетель. – Понятно! Кажется, ты был в числе тех, кто брал крепость мятежников? Король че-

рескур любил своего младшего брата, за что и поплатился... Как считаешь?

Наемнику не положено судить чувства и действия августейших особ, поэтому я неопределенно повел носом. Герцогу это понравилось.

– Сколько лет в драбантах? – поинтересовался он, прохаживаясь по кабинету взад и вперед.

– Пятнадцать лет, четыре месяца и восемь дней, – ответил я.

– И до сих пор жив? – изумился собеседник. – Ну, тогда тебя можно брать на службу... – Он сделал паузу, – не простым стражником, а ... начальником стражи, например. Можно – главным телохранителем.

– Как угодно вашему высочеству, – покладисто отвечал я. Кажется, герцогу теперь я понравился еще больше. Тем не менее, он решил меня поправить:

– Увы, солдат... – вздохнул Отто Уррийский, – не «высочество», а всего лишь «светлость». Хотя, не скрою, очень хотелось бы стать «высочеством». И у меня есть такой шанс...

С чего это герцог откровенничает с «псом войны»? Не иначе – имеются какие-то соображения на этот счет. «Ну, ваша светлость, – мысленно посоветовал я, – если сказал «А», так говори и «Б»...

– Что же, – продолжил герцог, словно уловил мою мысль. – Я вижу – ты старый солдат. Опыта тебе не занимать, а язык за плечами держать умеешь. («Что за новая идиома? –

подумал я удивленно. – «Язык за плечами»? Намек на болтливый язык, от которого может пострадать голова? Надо запомнить!») Так вот, моя жена – племянница короля Шарля Лютецийского. В случае рождения у нас наследника мужского пола, мы, вернее, младенец, – уточнил владетель, – станем наследниками королевского престола и до совершеннолетия малыша имеем все права принцев крови... Понимаешь?

Я сделал значительное лицо и кивнул. Насколько я знал генеалогию (поскитайтесь с мое меж королевских дворцов, так еще и не такое запомните!), король Шарль имел трех законных детей мужского пола, двух родных и с десятков двоюродных братьев. Количество родных и двоюродных племянников по «линии меча» вообще не поддавалось исчислению. Внучатый племянник короля по «линии прялки» стоял бы в списке претендентов на престол где-то там... Не знаю, на каком месте. Тем более что ему еще следовало родиться! Впрочем, у высоких персон – свои игрушки...

Герцог, остановившись напротив меня, спросил вдруг:
– Как считаешь, старый наемник, на какой должности тебя можно использовать?

Я не стал говорить, что с удовольствием справился бы с должностью производителя младенца, которому суждено встать в ряд королевских наследников, а высказал другое:

– Думаю, ваша светлость, хочет иметь телохранителя для своей супруги – ее светлости герцогини Уррийской.

– Угадал, – удовлетворенно кивнул герцог.

– Осмелюсь поинтересоваться, – почтительно склонил я голову и, дождавшись благосклонного кивка, «осмелился»: – Уже были случаи покушений? Сколько? Был ли кто-нибудь задержан?

– А тебе не все ли равно? – с неким раздражением пробурчал герцог.

– Да нет, ваша светлость, не все равно, – покачал я головой, а потом чмокнул языком для убедительности. – Мне нужно знать – от чего беречь ее светлость, Вашу супругу. Одно дело – сопровождать ее в поездках, на рынках, защищая от толпы, от разбойников. Или, прошу прощения, от бывшего любовника. И совсем другое дело, если я буду знать, что за ней охотится наемный убийца. Скажем, нанятый кем-то из Ваших соперников...

– И в чем разница? – покачнулся герцог на каблуках, выказывая интерес к обсуждаемой теме.

– Разница в том, что нужно не только защищать, а узнать – кто нанял убийцу и постараться опередить его.

– Любопытно... – в некой раздумчивости обронил герцог. – Ответный удар, как я понимаю, отправить убийцу к сопернику. А как узнать имя нанимателя, если убийцу взять живым не удалось? Предположим, у меня много соперников. Как тогда быть?

Определенно, герцог был умен. Посему я не стал строить из себя умника:

– Сложно, долго... – покачал я головой. – Но возможно! Нужно установить личность убийцы, проверить, с кем он встречался в последнюю неделю. Выйдем на посредника, а там – на заказчика. Вряд ли наниматель будет делать это лично... Но все-таки, имея терпение и деньги, всегда можно на него выйти. А уж там...

– Любопытно-любопытно, – уже в который раз повторился владетель. – А, не подскажите, как наказывают нерадивого телохранителя, который не сумел спасти... э-э своего патрона?

– Откровенно говоря, не знаю, – честно ответил я. – Не хвастаюсь, ваша светлость, но мне эта участь будет вряд ли грозить. Чтобы добраться до той особы, которую охраняю я, нужно прежде всего убить меня...

– А ты – бессмертный?

– Ну, бессмертных людей не бывает. Просто кого-то убить сложно.

– Тебя, значит, убить сложно, – в который раз прошелся герцог по залу. – А что ты скажешь по поводу меня?

– Лично про вас сказать ничего не могу. Думаю, что вы владеете оружием так, как и положено дворянину. Но, что касается охраны...

– И где же ты видишь охрану? – деланно удивился герцог.

– За портьерой сидит арбалетчик, – стал я излагать. – Сидит хорошо, но, судя по звуку, пружина натянута слишком туго, даже, (сделал я паузу) перетянута, поэтому арбалет мо-

жет выстрелить произвольно. Могу еще сказать, что парень нервничает – чересчур громко дышит и сбивает прицел, а потому – за последние десять минут на линии прицела был не я, а вы...

Герцог испуганно обернулся в сторону стрелка. Тот, вероятней всего, от неожиданности, нажал на спусковой крючок. К счастью, я успел слегка отодвинуть его светлость, а иначе остался бы без хозяина, еще не приступив к работе.

– Да я... да я тебя, сукина сына... – закипел герцог, набросившись на несчастного арбалетчика, который, ползая на коленях, скулил и плакал, пытаясь объяснить, что все случилось само собой.

Когда его светлость отвесил недотепа последний пинок и немного успокоился, а избитый стрелок уполз, я продолжил:

– А лучник, что целится в меня через отверстие в балконе, слишком ярко вырядился – красный камзол на фоне серых балясин ...

Герцог, встав рядом со мной, вскинул голову и выругался:

– Доннер веттер! И откуда же такие болваны взялись?!

– Не судите их строго, – заступился я за охранника. – Парням нужно немного опыта, вот и все.

– Опыта, опыта, – проворчал герцог. – Пока они опыта набираются...

– Если позволите, ваша светлость, я готов дать им пару занятий и в следующий раз они ...

– Следующего раза не будет, – перебил меня герцог. – Если уж совсем откровенно, то эти предосторожности были только ради встречи с тобой.

Теперь настал черед и моему изумлению:

– С чего это такая сомнительная честь?

– Прочти, – протянул мне Отто Уррийский грамоту, сработанную в типографии.

Насколько я знаю, печатают документы тогда, когда их требуется сделать быстро и в большом количестве: Манифесты по случаю восхождения на престол или по случаю розыска государственного преступника. Писцы в этом случае не успевают.

В бумаге, вышедшей из королевской типографии, было обращение к соседям с требовавшим выдачи «злокозненных» сторонников узурпатора Карла Юхана. Числился там и некий наемник Юджин Артакс, «коварным образом втершийся в доверие» к бывшему королю, получивший высокие должности и награды...

– Как думаешь, часто наемники попадают туда, где перечислены только особы королевской крови да титулованная знать?

– Я лично попал впервые, – честно признался я. – Про остальных сказать не могу – не видел и не слышал ...

– Вот и я не видел и не слышал, – усмехнулся герцог. – И что ты мне скажешь? Выдам я тебя или нет?

– Воля ваша, – поклонился я как можно ниже и, пытаюсь

сделать вид, что стараюсь унять нервную дрожь... – Тут ведь либо выдадите, либо – не выдадите...

– Воля моя, это точно, – хохотнул довольный герцог. – Только выдавать тебя у меня нет ни малейшего резона. Общих границ у нас нет. Преступников уррийских, которых можно было бы на тебя выменять, в их тюрьмах тоже нет. Да и числишься ты в общем списке. Стало быть, попал в перечень случайно, из-за этого ордена. Покажи-ка его еще раз.

Его сиятельство внимательно оглядел орден, взвесил на вытянутой руке и хмыкнул:

– Фунта два... Такие ордена хорошо поверх кирасы надевать – болт арбалетный не пробьет. Или – на шею вешать, перед тем как топиться идти...

Возвращая мне «Башню и крест», герцог, как бы мимоходом, обронил:

– Покамест, – выделил он с сожалением, – я не могу учредить ордена. Но есть и у меня оч-чень неплохая награда для верных людей. Смотри...

Подвернул рукав, Отто продемонстрировал браслет шириной в вершок... Глядя на золото и драгоценные камни, мне захотелось стать верным человеком герцога Отто Уррийского. А герцог, меж тем, еще и подлил масла в огонь:

– Если моя супруга, дражайшая герцогиня, подарит мне сына, то эта награда – твоя.

«Помогу! Без вопросов!» – чуть не ляпнул я, но сдержался...

Дав полюбоваться, Отто Уррийский опустил рукав и стал говорить о моих обязанностях...

Будучи дочерью двоюродного брата короля и супругой Владетельного герцога Уррийского, Лилиана-Августа-Фредерика-Азалия (это ее сокращенное имя!) ненавидела светскую жизнь. Она никогда не показывалась на балах, если, разумеется, это не диктовалось государственной надобностью, терпеть не могла светские рауты и более всего ненавидела гостей, которых была вынуждена принимать едва ли не каждодневно. По слухам, Великая герцогиня хранила верность своему супругу и не принимала дам, имеющих любовников...

Любимым занятием герцогини была охота. Мотаться по прибрежным камышам за диким кабаном, травить волков по свежему снегу, гоняться за лисицами ей было гораздо милей, нежели блистать в собственном ли, или при каком прочем дворе. Любимыми ароматами герцогини были запах конского пота, свежего воздуха и звериной крови (подозреваю, что и навоза тоже...).

Лучшими друзьями герцогини числились егеря и доезжачие, а лучшим подарком она считала не драгоценности, а новое навершие для охотничьей рогатины или итальянский арбалет с роговым прикладом и стальной пружиной. Изысканным нарядам, которые герцог покупал для любимой супруги, она предпочитала кожаные охотничьи камзолы и (о, ужас!), кожаные штаны, так несовместимые с достоинством Вели-

кой герцогини.

Увы и ах, но герцог не мог запретить жене подобные вольности. В брачном контракте, подписанном при помолвке, когда принцессе было всего десять лет, а Отто уже перевалило за сорок, особой строкой было оговорено, что «муж не будет чинить супруге препятствий при ее развлечениях». Кто же тогда мог предположить, что ставши из девочки женщиной, Лилиана-Августа (и так далее) увлечется охотой? Запретить – означало расторгнуть контракт и потерять надежду стать его высочеством. В то же время герцогиня никогда не уклонялась от собственных супружеских обязанностей, которые Отто мог совершать «не менее одного раза в неделю, но не более десяти раз в месяц».

Однако, хотя герцогиня не противилась супружеским обязанностям, но и забеременеть она не могла. Герцог считал, что виной всему – неумеренная любовь супруги к охоте, когда Лилиана-Августа-Фредерика-Азалия, не свет не заря срысывается с супружеского ложа и скачет в леса. Кроме того, Отто Уррийский опасался, что во время охоты с герцогиней может случиться какая-нибудь неприятность: встреча ли с кабаном на узкой тропе, волк, прорвавшийся через оцепление егерей... Ну да – мало ли еще что...

К сожалению, государственные дела не позволяли владельцу Уррии выезжать на охоту так часто, как это делала его жена. Да герцог и не был поклонником охоты. Вот тогда он решил, что к супруге необходимо приставить человека, ко-

торый будет на охоте заниматься лишь тем, что беречь Великую герцогиню...

Когда герцог изложил свои соображения, я мысленно застонал. Видимо, взгляд у меня был не очень веселый, потому что Отто Уррийский спросил с беспокойством:

– Что-то не так? Неужели охранять женщину на охоте сложнее, чем охранять от наемных убийц?

– Не то слово, ваше высочество, – по «рассеянности» употребил я титул принцев крови вместо герцогского, но владелец меня не поправил. – Наемный убийца – это всего лишь человек. Стало быть, мыслит по-человечески. Что может стукнуть в голову льву, носорогу, или там, тигру – я не знаю. И уж тем более, что взбредет в голову женщине-охотнице...

– Ну, львы и носороги у нас не водятся, – утешил меня педантичный супруг. – Есть медведи, рыси, кабаны. А вот насчет того, что в голову взбредет охотнице, тут ты прав. Герцогиня очень болезненно воспринимает любого телохранителя, которого я ей даю. Отказаться она не может, но...

– Происходят несчастные случаи ... – догадался я.

– Вот-вот, – поддакнул герцог. – У одного из телохранителей лопнула подпруга во время гона за зайцами. Заяц же, как известно, может задними лапами и медведю брюхо распороть. Хорошо, что у охранника была кираса... Еще одного избили до полусмерти егеря и загонщики: дескать, глазел он на герцогиню нехорошо... Эти бездельники мою супругу просто обожают – в огонь и в воду за нее пойдут. Ну, а еще

один просто исчез. Вернулся только конь с ободранным боком. Говорят – рысь напала! Труп так и не смогли найти. Не скрою, Артакс, у меня не так много вассалов ...

«М-да, весело, – подумал я, хотя веселиться тут было нечему. – Это как же удастся защитить того (то есть, ту!), кто не хочет защиты? Да еще – как не стать вместо телохранителя жертвой? – поразмыслил я. – Отказываться – нельзя. Герцог-то, вроде бы человек неплохой. Но и хорошим он тоже быть не может...» Намек я понял очень ясно. Будешь служить – награжу, а нет, накажу. Поэтому, ежели что, выдаст он меня, как «злокозненного соратника-сподвижника узурпатора».

– Ваше э-э ... Ваша светлость, – нерешительно спросил я. – Разрешено ли мне будет применять меры воздействия к герцогине?

– Не понял... – вытаращился на меня герцог.

– Ну, предположим, если мне придется дернуть ее за руку, сбить с ног, а то и выругать – это не будет преступлением?

– Хм-хм, – подумал несколько секунд герцог, а потом, внезапно повеселев, заявил: – Знаешь, дружище! Если понадобится, для пользы дела, то можешь ее отшлепать! Только, (показал он кулак!) – во всем меру знай!

...Мое знакомство с герцогиней и ее свитой состоялось на следующее утро. После третьих петухов, когда начинают просыпаться коровы и пастухи, а все добрые люди (мы, наемники, в эту категорию не входим) еще спят, герцогиня уже

направлялась в конюшню. Туда же сползала и ее заспанная свита. Я не очень силен в охотничьих премудростях, но если человек держит на поводу (или, как правильно – на поводке?) собак, значит, он – псарь. А, ежели имеет при себе охотничий арбалет (почти такой же, что и боевой, только короче и изящнее), то это, наверное, егерь. Стало быть, псарей было трое, да четверо егерей. Было еще двое парней лакейского вида, имевших при себе лишь охотничьи ножи.

Мне было жаль обитателей замка и жителей городка. Когда ежедневно и спозаранку гавкают собаки и ржут лошади, а потом охотничья кавалькада высекает копытами искры из старого булыжника мостовых, то любители поспать поминуют увлечение герцогини не очень добрым словом...

Лилиана-Августа-Фредерика-Азалия не выглядела красавицей. Когда я впервые увидел ее вытянутое лицо с увесистой нижней челюстью (фамильный признак эрл-герцогов Паренских, предков по отцу), массивный нос (достались по женской, королевской линии) и тонкие губы, то понял, почему у герцогини нет любовников... И удивился мужеству старого Отто, который «не менее одного раза в неделю, но не более десяти раз в месяц» пытается обзавестись наследником.

Однако, если быть справедливым, то герцогиня имела довольно стройные формы, что подчеркивалось ее мужским нарядом. Мой гнедой, (папаша Гневко) был уже готов, но в седло я не запрыгивал, поджидая остальных. Охотники,

за исключением герцогини, сосредоточенно седлали коней. Хозяйка, наблюдая за действием, лениво зевнула и пренебрежительно бросила мне в лицо:

– Ты кто? – И, не дожидаясь ответа, заключила: – Наверное, мой новый хранитель тела... Не боишься в лес ехать?

«Свита» захохотала, предвкушая потеху...

– Н-ну! – требовательно спросила она. – Боишься – или нет?

– Боюсь, – кротко ответил я.

Свита заржала еще громче. А один из егерей, самый молодой и наглый, презрительно сощурившись, присоветовал:

– Ты, наемничек, когда в лес поедem, в штаны не наделай.

– Ничего, – примирительно улыбнулся я. – Твои возьму...

– Чего? – вытаращился на меня егерь. – А ну, повтори, что сказал...

– Повторяю, – улыбнулся я еще более кротко. – Если наделаю в свои штаны, то сниму твои. Показать?

Егерь рванулся, как лось, узревший соперника. Но лосиный турнир я разыгрывать не собирался – насадив парня на свой кулак, перевернул вниз головой и, развязав его пояс, вытряхнул из штанов.

– Вот, примерно так... – сказал я, бросая парню штаны. – Носи, пока я добрый...

Охотники не сразу поняли – почему их товарищ, оказавшийся в одних кальсонах, принялся судорожно блевать, а герцогиня, на несколько секунд потеряв дар речи, махнула

псарям:

– Ату его!

Холуи повиновались бездумно и беспрекословно. Что же, такое развитие событий я предвидел, потому что за спиной была стена, а рядом – верный жеребец, и первая гончая, атаковавшая меня, отлетела, жалобно поскуливая.

«Позвоночник...» – отметил я, отшвыривая в сторону еще одну псину. Третья получила удар (не то – кулаком, не то – копытом) в голову, но сумела отползти сама. Еще одну псину конь ударил в нос... Жаль, что кожаная перчатка мешала всунуть руку в пасть, поэтому пятую я поднял за хвост и ударил об стенку...

Псари, не осмелились оттаскивать собак без повеления герцогини, но те оказались умнее. Уцелевшие звери отскочили подальше, образовали полукруг и стали истошно лаять. Мы с конем стояли, прикрывая друг друга, а в паре сажений, не решаясь приближаться, бесновались люди и выли собаки. Герцогиня нервно кусала губы в сторонке ...

– Ну, кто еще смелый? – спросил я, обращаясь к людям. – Собак вам не жалко, ублюдки?

Егеря и псари были не робкого десятка. Тем более, за вычетом одного (он еще не пришел в себя) их оставалось восемь против одного. В руках появились ножи, а один орудовал «козьей ножкой», взводя арбалет.

– Парни! – обратился я с краткой, но убедительной речью. – Хотите подраться, вперед! Но если кто-то вытащит

нож, я достану меч. Убивать не буду, но руки и ноги поотрубаю... И еще, – обернулся я к герцогине, – если тот придурок вскинет арбалет – умрет первым!

– Ренье, убери арбалет, – приказала ее светлость, поняв, что я не шучу: – И все остальные – спрячьте ножи!

Арбалетчик злобно посмотрел на меня, перевел взгляд на хозяйку и отбросил оружие. Парни, хоть и неохотно, стали убирать ножи. Кажется, охотники не бывали в настоящих схватках. Да и откуда? В сражениях они не участвовали, а пьяная кабацкая драка – это пьяная драка, но не бой.

Если готовишься драться с теми, кого много, и победить, то будь готов пропустить несколько (а то и с десятков) ударов. Другое дело, как ты сможешь их «держат».

Не дожидаясь, пока толпа приблизится, я пошел на прорыв...

Первые, попавшиеся под удары моих кожаных (со стальными накладками!) перчаток, упали, не пискнули, а я оказался за спинами нападавших. Некрасиво, неблагородно – но пришлось бить сзади. Удар в голову, пинок с левой ноги, под копчик; пинок с правой – в почки, и число противников уменьшилось. Теперь – удар кулаком в печень одному, пинок под колено другому... У двоих оставшихся на ногах сдали нервы... Крепкий мужчина (егерь или псарь – не знаю), развернулся и бросился бежать. Второй ухватился за рукоять ножа (Вот, мерзавец, договаривались же. Что-то у парня не клеилось – то ли лезвие застряло, то ли руки вспоте-

ли. Пока он дергался, я снял шлем и запустил им в голову убежавшего (все нужно доводить до конца!). Парень, наконец-то вытащивший свой свинорез, стоял на полусогнутых ногах и внимательно следил за мной.

– Ты помнишь, *что* я обещал? – строго напомнил я. – Считаю до трех: раз, два (помедлил я, выжидая)... три...

На счете «три» парень уронил нож на землю и прыгнул на меня, пытаясь угодить ногой в лицо. Удар был классный! Нога, как известно, гораздо сильнее, чем рука. И, если бы попал, то он точно вдавил бы мой нос в череп! Пришлось упасть на колени, поймать его ногу и ударить кулаком в пах... Ну, возможно, дети у него еще будут....

Я огляделся. Восемь (а, нет, девять) парней корчились, держась за животы, головы и прочие места.

Лилиана-Августа-Фредерика-Азалия стояла на прежнем месте, а по ее лошадиной физиономии было невозможно определить – испугалась она, или, напротив, восхищается. Герцогиня молча повернулась и гордо удалилась в замок. Решив, что ее светлость сама пришлет слуг за пострадавшими, я отправился докладывать герцогу о первом дне службы.

В приемной его светлости, желавшей стать его высочеством, дежурил паж. Героически прикрывая цыплячьей грудью дверь в кабинет, юнец надменно сказал:

– Их светлость заняты!

Я уселся на кожаный диванчик, заработав неодобрительный взгляд: мне следовало либо стоять, или, в качестве осо-

бой милости, сесть на откидной табурет у стены. Однако указывать наемнику его место мальчишка не рискнул. Из-за дверей доносились яростные вопли герцогини. Стало быть, Лилиана-Августа-Фредерика-Азалия изволит сетовать ...

Дверь кабинета откинулась так резко, что мальчишка отлетел в сторону. Его светлость, не обратив внимания на травму юнца, высунулся из дверей.

В халате и колпаке Отто Уррийский не производил впечатления коронованной особы. Узрев меня, герцог слегка поморщился:

– Ты кстати, Артакс. Заходи.

Я изобразил межевой столб, замерший в почтении и смирении, а герцог изволил заорать:

– Ты знаешь, что натворил?!

– Никак нет, ваша светлость! – голосом недалекого капра-ла отрапортовал я.

– Из-за тебя я был вынужден нарушить брачный контракт! – бушевал герцог, посыпая мою голову сочными эпитетами ...

– В каком пункте? – деловито поинтересовался я. – Если в том, что касается права Великой герцогини на развлечения, то вашей тут вину нет. Как говорят крючкотворы – имеют место форс-мажорные обстоятельства. Или – «казус», то есть – случай. Любой стряпчий докажет, что его светлость ни в коей мере не пытался ущемить права ее светлости.

– А как же тот факт, что вы (сколько яда было в этом

«вы»!) избили моих людей? С кем, по *вашему*, я должна теперь ехать на охоту? – поинтересовалась герцогиня, потряхнув гривой.

Ба! Оказывается, помимо статной фигуры, у герцогини очень красивые волосы. Во дворе они были убраны под шляпу...

– Если помните, ваша светлость, драку спровоцировал не я, а ваши слуги, – поклонился я герцогине.

– Но вы ее начали! – топнула ногой герцогиня, как норовистая лошадь копытом.

– А что я должен был сделать? Позволить себя избить? Или затравить себя борзыми?

– Лягавыми! – опять топнула герцогиня. – Только наемник не отличает борзой от легавой!

– В следующий раз, когда ваша светлость будет науськивать на меня собак, обязательно поинтересуюсь их породой
...

– Так ты еще и смеешься, мерзавец! – выкрикнула герцогиня и удалилась, гордо цокая каблуками.

– Ну, а теперь расскажи, как было дело, – проводив взглядом супругу, приказал мне герцог.

Приняв мой рапорт, герцог хмыкнул и принялся расхаживать по кабинету:

– Ну, а зачем тебе это понадобилось? И, какая связь между тем, что я тебе приказал и избиением этих олухов?

Чувствовалось, что герцог, равно как и я, недолюбливает

бездельников, вроде псарей и егерей, но мирится с их присутствием. Положение обязывает!

– Думаю, что недели две свите герцогини будет не до охоты. Значит, на две недели ее светлость будет в безопасности.

– Это прекрасно, что ты всыпал этим бездельникам. Но ты, Артакс, не знаешь мою супругу, – устало сказал герцог, снимая с головы дурацкий колпак, из-под которого вывалились взлохмаченные седые волосы. – Сегодня она побесится, покричит, а завтра захочет отправиться в лес, ловить какого-нибудь зайца. Отпускать Ее Светлость с одним телохранителем нельзя. А опытных охотников из-за твоей ретиранности у меня нет. А что проку от неопытных?

– Ваша светлость, – покачал я головой. – Человека трудно уберечь, если он сам себя не бережет. Но если герцогиня поедет на охоту одна, не считая вашего покорного слуги, то шансов на ее безопасность будет больше.

– Это почему? – привстал герцог на носочки.

– Насколько я знаю, чем больше охотников – тем больше шансов заполучить случайный арбалетный болт или стрелу. Что касается волчьих ям, ветвей – так тут и армия не уберезит. Ну, а от диких зверей мы с ее светлостью отобьемся.

– Что же, а в этом что-то есть... – в задумчивости обронил его светлость.

...Ни одному художнику не под силу изобразить метаморфозы, случившиеся с этой женщиной! Куда-то девалась от-

висшая челюсть ослицы и нос пеликана. Это была хищница, прекрасная в своей дикой красоте и необузданности!

Я любовался Лилианой-Августой-Фредерикой-Азалией. Как прекрасно и естественно она выглядела, согнув в локте левую руку, а указательным пальцем правой «выбирала» спусковой крючок арбалета. Как хищно и холодно прищурила она левый глаз! Будь я художник, непременно написал бы ее в облике Артемиды.

С радостью любовался бы герцогиней и дальше, если бы ее арбалет был направлен в другую сторону... Но не быть мне великим художником! (Признаюсь, что и обычным не быть – рисовать не умею.) Вместо того, чтобы восторгаться статью богини охоты, я, чудом уловив момент выстрела, распластался вдоль лошадиной спины, а стрела улетела куда-то в чащу.

– Вы поспешили, – галантно поклонился я герцогине. – В следующий раз соблаговолите целиться чуть ниже...

– И, что дальше? Расскажите мужу? – презрительно усмехнулась герцогиня.

– А смысл? – покачал я головой, слезая с седла. – Позвольте, сударыня, я помогу Вам спешиться. Позвольте, ручку...

– Это зачем? – вскинула ее светлость голову, но руку, тем не менее, подала.

Подождав, пока амазонка твердо встанет на ноги, я снял перчатку и объяснил:

– Затем, Ваша Светлость, что с лошади падать было бы гораздо больше.

– С какой лоша...

От затрешины, которую я с удовольствием закатил герцогине, она, герцогиня, отлетела в сторону и, врезавшись в куст, осела на землю...

– Будете жаловаться мужу? – ехидно поинтересовался я.

Ее светлость смотрела на меня глазами затравленной лани. Потом, потрогав щеку, сказала:

– Синяк останется...

– Разрешите, я посмотрю.

С ловкостью бывалого коновала, я повернул пострадавшую щеку к солнцу и, осмотрев ее, высказал профессиональное мнение:

– Маленький такой, синячок... Но это – исправимо...

Опустившись на колени перед дамой, я нежно поцеловал герцогиню в «увечную» щечку и, как-то случайно нашел ее губы... Они были податливы, чего нельзя сказать о кожаных штанах, не желавших слезать со светлейшей попы... Кажется, в герцогине проснулся настоящий черт. Вскоре я уже не понимал – то ли я обладаю женщиной, то ли имеют меня самого.

– Я и не знала, что такое возможно, – застенчиво проговорила ее светлость, внимательно рассматривая штаны. – И как я них влезу?

Было не очень понятно, что имела в виду герцогиня. Наше ли «деяние» или снятые штаны. Я попытался помочь, но – тщетно...

– Сумел снять – сумеи надеть обратно! – приказала ее светлость.

– А как вы в них влезаете? – сумрачно поинтересовался я, пытаясь втиснуть изящные ножки в узкие штанины.

– Надеваю сырыми, а после охоты сажусь в ванну! – сердито объяснила герцогиня, сдерживая слезы. – Ну так что, прикажете возвращаться в замок с голой задницей?

Я бы не возражал. Но муж не поймет... К счастью, неподалеку отыскалась лужица. Но не обошлось без потерь, потому что один из швов все-таки лопнул.

– Ладно, – критически буркнула светлость. – Сойдет...

Когда мы возвращались, герцогиня в задумчивости изрекла:

– Сегодня супруг должен посетить мою спальню. Интересно, как оно будет?

Вышло неплохо. На охи герцога и вопли герцогини, доносившиеся из-за дверей, сбежался весь замок – решили, что кому-то из господ плохо.

На следующий день герцог настолько устал, что не сумел покинуть супружеское ложе. Герцогиня, счастливая и беззаботная, как бабочка, отправилась на охоту вместе со мной...

Наши выезды продолжались несколько недель. Портные сшили для Ее Светлости новые штаны, с которыми не было трудностей ни при снятии, ни при одевании.

Мне бы радоваться, но близость начала утомлять. В придачу к необузданности (это-то еще терпеть можно!), жен-

щине были нужны острые ощущения, потому что иначе она не возбуждалась. Лилиана-Августа несчетное число раз стреляла в меня из арбалета, пыталась продырявить копьем, норовила столкнуть в волчью яму. Однажды пришлось уступить и позволить поранить себя рогатиной. Рана была глубокая, но неопасная. Впрочем, худа без добра не бывает. Дырявый камзол и окровавленная повязка, сослужила мне хорошую службу. Дворня, удивлявшаяся тому, что герцогиня привозит с охоты дичь все реже и реже, уже начинала нехорошо шушукаться. Герцог, до которого слухи не могли не дойти, увидев повязку, остался доволен.

В последнее время его светлость передвигался по коридору, держась за стенку. Возможно, мешали ветвистые рога или сказалась усталость от любовных утех ...

При очередной нашей встрече в кабинете, Его Светлость довольно хохотнул, ткнув пальцем в заштопанную дыру на моем платье:

– Ну, что я тебе говорил?! Наверное, вместо зверей, ее светлость охотится на телохранителя? Ничего, ты у меня молодец. Другого она бы уже убила, – утешил меня герцог, потечески похлопав по плечу. Всему на свете, как известно, приходит конец.

Во время очередной «охоты», когда я подумывал – а не поменять ли мне пост телохранителя на почетную должность убийцы, Лилиана-Августа-Фредерика-Азалия погладила свой живот и объявила:

– Я беременна!

– Поздравляю вас, ваша светлость! – глупо улыбнулся я, не особо вдаваясь в смысл сказанного.

– Ты болван! – злобно выкрикнула герцогиня и пнула меня в то самое место, которым так дорожит любой мужчина.

Услышав мой сдавленный вопль, любовница сменила гнев на милость:

– Дурачок, как ты не понимаешь? В случае беременности я не имею права рисковать ребенком. Значит, муж запретит мне ездить на охоту.

– А ты ему пока не говори, – лживо предложил я, морщась от боли и злясь, что пропустил очевидный удар.

– Дурачок, – грустно повторила женщина. – Я обязана это сделать. Служанки уже догадались и доложили герцогу. Если я не буду ездить на охоту, мне не нужен телохранитель. («Вот и славно!» – возликовал я). Если я попрошу, Отто назначит тебя латником дворцовой стражи, но нужно ли это?

– Не нужно, – ответил я, не раздумывая. Если бы я сразу поступил в стражу – это было бы нормально. Теперь же перейти из личных телохранителей в простые латники мне не позволяла профессиональная гордость.

– Именно, не нужно, – кивнула герцогиня (как мне показалось – с облегчением). – Если ты останешься, то рано или поздно о нашей связи станет известно. Герцог постарается избежать скандала. Однако...

– Однако, на всякий случай, прикажет меня тихонечко

прирезать и закопать в безымянной могилке, – уверенно предположил я.

– Обязательно, – кивнула Лилиана-Августа-Фредерика-Азалия. – Ни у кого не должно быть сомнений, что отцом ребенка является его светлость Отто Уррийский.

Отставка выглядела буднично. Герцог вручил кошелёк с двумя сотнями талеров и пергамент, в котором расписывалась доблестная служба в качестве личного телохранителя герцогини Уррийской и прочая... Я, собиравшийся было откланяться и уйти, но Отто Уррийский остановил меня:

– Вот ещё... – вздохнул он. – Я говорил, что могу наградить тебя после рождения ребенка, но думаю – лучше это сделать сейчас.

Его светлость вложил мне в руку золотой браслет, украшенный драгоценными камнями и гравировкой «За верность», а потом вполголоса сказал:

– А язык, надеюсь, ты будешь держать за плечами...

Когда выводил коня, ко мне подошел слуга. Кажется, один из псарей, которых я обидел.

– Ее высочество просила передать вам подарок, – заявил псарь, запуская руку под плащ.

Меня спасла случайность. Конь споткнулся, попав копытом в выбоину, дернулся и кинжал, что должен был войти мне под сердце, лишь скользнул по коже, разлохматив камзол.

Вытаскивая из остывающего тела клинок, выругал себя

за то, что не догадался спросить – кто же его послал? Хотя, чего же тут непонятного... Лилиана-Августа-Фредерика мне все объяснила.

Глава третья

Странная сделка

Едва я успел сложить безделушки обратно в мешок, как Гневко заржал, предупреждая о приближении посторонних.

Мы осторожно выглянули из-за кустов, оценивая угрозу. Так... Обоз, телег в двадцать. Определить, что именно везут, было сложно – содержимое телег тщательно прикрыто холстом. Сопровождало обоз человек десять. Судя по старомодным кирасам, закрывающим бедра, неуклюжим капелинам¹ и алебардам – городская милиция, на вооружении которой вечно экономят. Старший над латниками – моложавый субъект, опоясанный длинным мечом, экипирован в кольчугу и морион. А вот главным, по определению, был безоружный старичок в черном камзоле, черных же штанах и берете, украшенном пером. Пока латники разбивали лагерь и разводили огонь, старичок разминал длинные ноги, вышагивая взад и вперед, как циркуль по карте.

Я выругал себя за то, что не догадался отойти шагов на двести в сторону. С другой стороны, нормальные купцы доехали бы до постоянного двора. Хотя (тут мы с Гневко были

¹ Капелина – шлем с козырьком и наушниками, прикрывающий шею. Особенностью такого шлема является наносник, который можно регулировать на нужную высоту. Замечу, что носить сей головной убор очень неудобно.

согласны) опасности для нас эти люди не представляли, но я всегда старался не лезть на рожон. Но бросать понравившееся место не стал, решив, что друг другу мы мешать не будем. Пришлые так не считали. Скоро я услышал шаги и услышал нагловатый голос:

– Ты кто такой? Вставать надо, когда спрашивают!

Я даже не соизволил обернуться. Городские стражники, они чем-то сродни баронским дружинникам – такие же спесивые и глупые. Но в отличие от кнехтов, горожане и драться-то как следует не умеют. Дружинники, по крайней мере, время от времени ходят отбивать овец у соседей или возвращать угнанных, выезжают на большую дорогу грабить купцов. А эти только и могут, что сграбастать зазевавшегося вооришку или сдирать с крестьян медяки за въезд в город.

– Чё, оглох, да? Ну я те щас уши прочищу... Ай!

Юнец, попытавшийся достать меня колющим оружием, полетел в речку, а я рассматривал трофей – тяжелую гуфу.

– Хорошее оружие, да дураку досталось! – огорченно сказал я, убедившись, что лезвие не затачивали с тех пор, как оружие отковали.

– Ну, я тебе покажу! – пообещал латник, вылезая из воды и отряхиваясь, как мокрая собака. Парень был не трус, но дурак редкостный. Вместо того, что бы задуматься, а потом, извинившись, уйти по своим делам, он снова бросился на меня.

Пока латник второй раз купался, на шум подошел коман-

дир и пара стражников.

– Что случилось? – деловито спросил старший. Внимательно посмотрел на меня, перевел взгляд на щит (без герба!) висевший на дереве, примирительно улыбнулся коню, который уже радостно готовился к драчке и поинтересовался:

– Алебардой пихался? – И, не дожидаясь ответа, подошел к подчиненному, что выкарабкивался из воды, и треснул того по шее, заставив парня искупаться в третий раз.

– Правильно! – одобрил я действия командира.

Чувствовалось, что старший латник знает, когда нужно драться, а когда нет. Тем более что я оружия не вынимал.

– Алебарду вернешь? – спросил старший. – Тебе-то она зачем? А с этого дурака за потерю оружия тройную стоимость вычтут.

– Так может – пусть вычтут? – предложил я, примериваясь к оружию. – Ради науки... Дураков учить надо! А за эту железку... Ну, хотя бы пару подков выменяю, все польза.

– Да надо бы поучить. Только, у него мать и две младшие сестры, – вздохнул командир: – Сколько раз я им дуралеям твердил, чтобы не лезли, куда не просят и не связывались с теми, с кем не справиться!

– А они? – с любопытством спросил я.

– Они... – хмыкнул командир, присаживаясь рядом со мной. – Кирасу нацепят, алебарду возьмут – думают, им теперь черт не брат. Да и кто в городскую стражу-то идет?

Младшие дети пекарей да сапожников, которым наследство не светит, а работать не охота!

— Понятно, — кивнул я. — Везде всё то же самое.

— Сколько пара подков стоит? — поинтересовался капитан и предложил: — Давай, заплачу.

— Ладно... Не буду наживаться на собрате, — усмехнулся я, возвращая алебарду просиявшему парню. Окинув взглядом капитана, спросил: — Кавалерист?

— Было, — кивнул тот. — Сам-то, из каких будешь?

— Тяжелая пехота.

— Наемник?

— Из птенцов Рудольфа, — ответил я.

Его Величество король Рудольф — властитель Фризландии, Моравии и Полонии, имевший все права считать себя императором (но почему-то медливший заявить права на титул), был рачительным хозяином. В отличие от соседей, исходивших из правила, что «наемник — есть мясо, которое нужно пихать, пихать и пихать в глотку войны, пока та не захлебнется», добряк Руди полагал, что наемник — прежде всего деньги. А деньги, как известно, любят счет. Нет-нет, король не призывал экономить на «псах войны», тем более на новобранцах: пять лет службы (если доживал до этого времени) делали солдата состоятельным человеком. Но король говорил, что дешевле подготовить одного хорошего наемника, нежели трех плохих. И, если в соседних ко-

ролевствах, на «отбраковку» новобранцев (смерть, увечья, дезертирство), военная канцелярия закладывала от тридцати до пятидесяти процентов, то Руди требовал, чтобы смертность во время учебы составляла не более пяти... Наш король был реалистом, понимающим, что во время обучения может быть все. Нам же она давала призрачную надежду выжить хотя бы в учебном лагере.

Офицеры и сержанты, готовившие «топливо» войны, были ограничены в методах обучения: запрещалось калечить или убивать новобранцев, но в остальном руки и ноги «учителей» были развязаны. Тем более, что искомая цифра «пять процентов» позволяла избавляться от чересчур тупых или склонных к беспорядкам. Опять-таки король считал, что ежели ты солдат – то должен заниматься военным делом с утра и до вечера. Все хозяйственные и бытовые проблемы, начиная от готовки еды, уборки территории и вывоза содержимого сортиров должны решать «слабосильные», которые и служили дольше и получали меньше.

На следующий день после прибытия нас подняли ни свет, ни заря и выгнали из казарм. Там, под командой сержантов, мы принялись бегать вокруг лагеря, наматывая круг за кругом. Кто-то падал, не выдерживая темпа, но большинство выдержало. По моим подсчетам это заняло около часа. Сержант, бежавший рядом с нами, даже не вспотел. Он назвал эту пытку «нагуливанием аппетита» перед завтраком, а потом пообещал, что завтра мы встанем еще

раньше, а бегать будем еще дольше...

Дальше был завтрак. Простой и сытный: каша с мясом, кусок хлеба и – ни капли спиртного! Полчаса свободы на «утряску» еды и снова учеба. Учили правильно бегать, далеко прыгать, драться руками и ногами. Обед – каша гороховая с мясом, овощи и хлеба, сколько влезет. Час на отдых. И опять все сначала, до вечера. Ужин (рыба, крупа, что-нибудь сладкое) – и, опять, до девяти часов. Час на личные дела (можно сходить на кухню, где всегда давали что-нибудь пожевать) и сон.

Нас учили владеть самым разным оружием – от меча и до крестьянского цепа. Но главное – мы должны были оставаться в живых, убивая, как можно больше.

Через месяц каждый из нас был способен потягаться с лучшим латником из городской стражи, через два – с баронским мечником. К концу обучения биться с нами на равных могли лишь рыцари, которых учат воевать с четырех-пяти лет. Опять же, не каждый из рыцарей мог победить «птенца Рудольфа».

Дальше учить было бесполезно. Теперь – только опыт, опыт и еще раз опыт. Зато – если обычный наемник жил не больше одного – двух лет, «птенцы Рудольфа» умудрялись приносить пользу королю от трех до четырех. А те, кто умудрялся прожить весь срок и уходил на покой, имел в кошельке столько денег, что мог себе позволить прикупить земли и небольшой домик. Или внести пай в ка-

кую-нибудь гильдию.

– Путешествуешь или по делам? – продолжал капитан допрос.

– Работу ищу.

Капитан стражи присвистнул. Ну, еще бы. Безработный «птенчик из гнезда Рудольфа» звучит так же нелепо, как безземельный король. Немного подумав, латник спросил:

– К нам наняться не хочешь?

– Городским стражником за два талера в месяц? – скривился я.

– Плюс харчи и жилье, – уточнил капитан. – Но для тебя найду кое-что получше... Ты скажи – пошел бы или нет?

– Ну, как говорят, все зависит от толщины кошелька, – пожал я плечами. – Будешь договариваться, предупреди – много запрошу!

– Не обидят! – горячо заверил меня старшой. – Ну, как?

– Почему бы нет... – хмыкнул я, соглашаясь. А мне в сущности, все равно, куда ехать. Почему бы не попробовать?

– Пошли, – кивнул капитан в сторону обоза.

– Если надо – пусть твой бургомистр сам ко мне идет, – усмехнулся я.

Капитан, удивленный моим нахальством, спорить не стал, а только покачал головой и ушел.

Через несколько минут показался сам бургомистр, которого почтительно вел под локоть командир стражи. Не знаю,

какое место занимал этот старичок в магистрате (бургомистров иногда бывало до семи штук на город!), но выглядел он величаво. Особенно впечатляла грудь, украшенная золотой цепью с медалью, где были выбиты две бочки в циркуле и пчела, аки ангел осеняющая сей натюрморт крыльями. Я немного смыслю в геральдике, но не настолько, чтобы знать герб каждого городишки. Думается, бургомистр нацепил регалии, чтобы произвести впечатление.

– Здравствуйте, господин наемник, – вежливо поздоровался старичок, а потом поинтересовался: – С вашей стороны не очень-то вежливо тащить к себе работодателя. Вы не уважаете горожан или набиваете себе цену?

Я вежливо наклонил голову, а потом попытался объяснить свою позицию:

– Есть горожане-купцы, горожане-ремесленники, прочие добропорядочные бюргеры вкупе с их бюргершами. А есть еще горожане-воры и горожане-убийцы. Вы предлагаете уважать их скопом?

– А вы, сударь – софист, – заметил старичок, оглядываясь – куда бы можно сесть. Узрев рядом со мной корягу, обмахнул ее полой плаща и уселся. Умаяв и, устроившись поудобнее, заметил: – Точно – софист! Сразу пытаетесь увести разговор в сторону. Что, отмечу, странно для простого наемника.

– А вы, господин бургомистр – логик, – парировал я. – Что, замечу, тоже непривычно для простого бургомистра.

– М-да, – помотал головой бургомистр. – Чует мое сердце, что если мы продолжим разговор, выясним, что учились в одном университете. Ну, возможно, я окончил его лет на двадцать раньше.

– А потом мы расчувствуемся, – в тон ему продолжил я. – И за спасение своего города вы надбавите талеров сто к моему жалованью!

– Сто талеров, – хмыкнул бургомистр. – Такие деньги городская казна тратит на всю стражу. В год! Кстати, – вдруг подозрительно уставился он на меня. – За что я должен платить вам жалованье? Или у вас есть какая-то информация касательно нашего города?

– За что вы будете платить жалованье – сами скажете. А касательно информации... Простите, но я даже не знаю названия вашего города.

Несколько мгновений бургомистр сидел и размышлял. Потом улыбнулся:

– Ишь, господин наемник. Обвели вы меня вокруг пальца. А я уж решил, что вы знаете больше, нежели говорите.

– Ну, это просто. Судя по намеку командира стражи – вам нужны наемники. А судя по той спешке, в которой вы пришли ко мне – они вам не просто нужны, а нужны позарез! Иначе к наемнику не пожаловал бы городской комиций².

– Просто – первый бургомистр, – перебил меня старик. – У нас не в ходу звания Старой империи.

² В средние века комициями иногда именовали бургомистров.

– Ну, мне все равно. Хоть комиций, хоть бургомистр, лишь бы деньги платил, – покладисто согласился я. – Но вы не пришли бы лично за первым попавшимся наемником. Значит, нужны не мечники с арбалетчиками, а кто-то из опытных людей. Мне осталось только узнать условия найма и назначить цену.

– А из Вас получился бы хороший купец, – позволил себе улыбнуться господин комиций. – Я, кстати, торгую сукном. Если надумаете, готов взять вас младшим компаньоном. Но только после того, как мы сумеем отстоять наш город.

– И что вы мне предложите?

– Должность коменданта города. Он, кстати, называется Ульбург.

– Неужели все так плохо, что вы вынуждены поручить оборону города неизвестному наемнику? Странно...

– Густав, – кивнул старик в сторону старшего латника, – сказал, что вы из «птенцов короля Рудольфа». Такая рекомендация дорого стоит! А вы из них?

Сомневаться – право работодателя, хотя и говорят, что «псам войны» верят на слово, глядя на зарубки на рукоятях мечей. У меня бы там уже места не осталось, да и времена изменились. Посему пришлось вытащить из мешка футляр с послужным списком и рекомендациями. Когда-то не пожалел денег, заказав у писаря пергамент, а не бумагу. Те, кто решил сэкономить (пергамент стоил талер, а бумага – пять

фартиггов!), годика через три заказывали копии, выложив уже в два раза больше...

– Впечатляет! – проникновенно сказал бургомистр, возвращая послужной список и рекомендации. Похоже, бюргер действительно окончил университет – уж очень быстро прочел.

– Все же, господин бургомистр, не верю, что в вашем городе нет достойных воинов. Ваш капитан произвел на меня хорошее впечатление.

– Капитан стражи прекрасный воин, – покачал головой старик. – Он идеально справляется с охраной порядка, с наблюдением за приезжими купцами, с патрулированием улиц. Но Густав не участвовал в обороне городов. Он несколько лет отслужил в кавалерии, но ни разу не воевал. Ульбург же последний раз штурмовали лет сто назад. Мы пытались уговорить кого-нибудь из местных баронов взять на себя руководство ополчением, но... Все наотрез отказались, – вздохнул бургомистр.

– Настолько велика опасность? – изумился я. – Тщеславных баронов и честолюбивых рыцарей хватало всегда. Тем более, что им бы подвернулся шанс хорошо заработать.

– Все не так просто... Вам известно, что стало с городом Таубургом? – спросил старик. – Нет? Я вам расскажу. В один из летних дней к его воротам подъехал герцог Фалькенштайн с войском, разумеется, а не с обычной свитой, и потребовал выдачи одного из горожан, который, по мнению герцо-

га, являлся преступником. Естественно, город ответил отказом – по городскому праву горожане подлежат лишь суду магистрата. А еще через три дня Таубург был взят и почти все его жители перебиты... Но, как я слышал, герцог не нашел того, кого он искал.

– Ваш город укрыв беглого преступника? – догадался я. – Уж не того ли самого?

– Два года назад к нам пришел человек. Как принято, ударил в колокол, вызвал младшего магистрата и сообщил, что его имя Фриц, прозвище Фиц-рой и он является беглым крестьянином. Поклялся, что за ним нет никаких тайных и явных преступлений. Имя было вписано в бюргерскую книгу, как кандидата в горожане, а сам Фиц-рой был принят учеником в гильдию углежогов. Им всегда недостает людей, а спрос на уголь у нас очень велик – стеклодувы, оружейники. Знаете, наше стекло очень ценится, – оживился старик.

Я уже приготовился выслушать длинный рассказ о том, куда и почему идут изделия стеклодувов, но бургомистр спохватился:

– Впрочем, отвлекся... Ровно через один год и один день он вновь ударил в колокол. Мастера гильдии сообщили, что Фриц Фиц-рой прекрасный ремесленник, постигший секреты ремесла, уважающий обычаи и традиции. Патер заявил, что ученик углежогов – ревностный прихожанин. Никто из горожан не нашел причины, чтобы отказать Фиц-рою в записи в бюргерскую книгу. И вот, совсем недавно, мы

узнали, что Фриц Фиц-рой – это именно тот, кого искал герцог в несчастном Таубурге. Как ему удалось уцелеть во время резни – один Бог ведает. Месяц назад герцог потребовал от нас выдачи Фиц-роя.

– А насколько серьезны его преступления? – спросил я. – Чем мог простой крестьянин так досадить Фалькенштайну?

– Фиц-рой убил дочь герцога, а тот поклялся, что сдерет с мерзавца шкуру.

– Вообще-то, герцог прав, – покрутил я головой. – С такого нужно содрать не одну шкуру, а две...

– Не спорю, – согласился со мной бургомистр. – Но что это меняет? Но даже, будь он трижды убийцей, мы не можем его выдать, потому что он вольный горожанин...

– Но, получается, что он обманул город, сообщая, что является беглым крестьянином, будучи на самом деле бюргером из Таубурга?

– Подобный обман не редкость, – перебил меня бургомистр. – Не он первый – не он последний. За это положен штраф в три талера. Если бы горожанами становились только те, кто не имеет пятен на репутации, города стояли бы пустыми. У магистрата нет оснований для изгнания Фиц-роя из Ульбурга. Мы не можем выдать его герцогу, потому что город поклялся защищать своих жителей. Если закон будет нарушен один раз, то будет нарушен и второй...

– А император?

– А что император? Император занят грызней с Великим

Понтификом, – с горечью вздохнул бургомистр. – Ему сейчас не до нас. Ну, а будь по-другому, стал бы он вступаться? То-то... Императору нет дела до мелочей.

– Дела... Откровенно, господин бургомистр, не очень-то хочется защищать город, который укрывает убийц.

– Не вам одному... – горько улыбнулся старик. – Я уже говорил, что мы обращались к разным людям, но везде получили отказ. Кого-то останавливает страх перед герцогом, кого-то – нежелание защищать город, где укрывают убийц. Я не могу их осуждать. Но, господин Артакс, подумайте сами: в Ульбурге живет десять тысяч жителей. Половина из них дети. В чем они виноваты? Вот и спрашивается, должен ли я ждать, когда подойдет войско герцога? Без опытного коменданта Фалькенштайн устроит резню.

– А что говорит сам Фиц-рой?

– Разумеется, уверяет, что никого не убивал. Мол, просто шел по полю и увидел пасущуюся лошадь, а рядом с ней – дочь хозяина. Понял, что она мертва, испугался и убежал. Бежал до тех пор, пока не достиг Таубурга.

– М-да, – протянул я.

То, что рассказал бургомистр, звучало правдоподобно. Любой бы крестьянин убежал, обнаружив мертвую дочь хозяина. Сообщил он о своей «находке» – забили бы до смерти, за одну лишь весть – у герцога Фалькенштайна была скверная репутация. С другой стороны, Фиц-рой мог вполне правдоподобно солгать.

Я задумался. В самом деле – стоит ли жалеть город, в котором живет насильник и убийца? Но скажите на милость – есть ли такие города, где живут одни праведники? И, кто я такой, чтобы решать – кто праведник, а кто нет? В конце концов, мне предлагают сделать то, что я умею. Виновен Фицрой или нет, решать не мне, а Тому, кто выше...

– Думайте скорее, – торопил меня бургомистр. – Мой опыт подсказывает, что вы тот человек, который нам нужен.

– Я не настолько самонадеян, – хмыкнул я. – Тем более, что вы даже не знаете – могу ли я возглавить оборону?

– А вы можете?

– Могу, – склонил я голову. – Но для этого мы должны договориться о стоимости моих услуг. Вы уполномочены решать такие вопросы?

– Я – первый бургомистр и главный ратман! – горделиво произнес старик. – Все денежные вопросы я решаю единолично. Ваша цена?

– Тысяча талеров. И, предупреждаю, что торговаться не буду.

– Хорошо, – не моргнув глазом, сказал бургомистр, отчего я его зауважал еще больше. За эти деньги можно было нанять небольшую армию.

– Триста монет – авансом.

– Такую крупную сумму я могу дать только в городе, – протянул бургомистр.

– Триста талеров – крупная сумма? – удивился я. – А на

какие деньги вы собирались нанимать начальника обороны? Любой рыцарь, не говоря уже о бароне, требовал бы аванс на корм для коней и провиант для воинов. Не смешите меня, господин бургомистр.

Старик занервничал. Кажется, деньги у него были, но расставаться с ними он не спешил.

– Мы изрядно потратились, закупая оружие. Ну, то, что у нас в возах, – пояснил он. – Вас устроит, если я выдам аванс в сто талеров и выпишу заемное письмо от имени ратуши? – спросил он, пытаясь отвести взгляд, что бы укрыть хитринку.

– Устроит, если вы напишете долговую расписку от собственного имени, – покладисто кивнул я. – Лично на вас у меня больше надежды.

Бургомистр закричал, но предпочел-таки выдать все триста талеров, не забыв взять расписку с меня. Что же, можно приступать к служебным обязанностям.

– Нужно ехать, – сказал я, убирая кошелек с авансом подальше. – Думаю, десяти минут на сборы будет достаточно.

– Простите? – не понял бургомистр, озадаченно посмотрев на Густава, будто искал у того поддержки. – Куда ехать? Сейчас вечер, а латники легли спать. Да и лошади за день устали.

– Ничего, – утешил я нанимателя. – Я всех сам подниму. Лошади одну ночь перетерпят, если двигаться не очень быстро. Времени, как я полагаю, у нас мало...

Мы добрались до Ульбурга ранним утром. Кони едва тащили телеги, а латники еле-еле переставляли ноги. Вслух недовольства не высказывали. Те, кто вчера попытался это делать, сегодня размышляли – как объяснить домохозяевам появление синяков или отсутствие зубов...

Бургомистр, от которого вовсе не требовалось бодрствовать, проявил солидарность с латниками, теперь мужественно боролся с зевотой и по мере сил пытался рассказать все, что знал о герцоге Фалькенштайне и его войске. Увы, сведений было немного. Герр Лабстреман (так звали первого бургомистра), не сумел сообщить ни общую численность войск, ни наличие у герцога осадной техники. Начальник стражи Густав тоже не знал таких тонкостей. Более того, они не понимали – для чего нужно знать, какую часть войска составляют вассалы, какую личная дружина, а какую наемники?! Зато в два голоса пытались «загрузить» меня по дороге байками о толстых стенах Ульбурга, ширине рва и прочими сведениями, которые мне ни о чем не говорили. Зачем мне знать, что «городские ворота окованы металлом и регулярно подкрашиваются»? Может, дерево давным-давно съел жучок, а железо – ржавчина? В каком состоянии стены? Когда последний раз чистили ров? Сколько колодцев с водой, имеется ли потайной лаз? Нет, нужно вначале все посмотреть самому.

Завидев городские ворота, латники и лошади ускорили шаг в предвкушение теплых домов и конюшен. Я, подъехав

к мосту, прыгнул с седла, чем заработал от Гневко неодобрительный взгляд – он тоже рассчитывал на уютное стойло и ясли с овсом.

Я не стал говорить, что мост в это время суток положено держать поднятым. Поднимешь его, если порваны цепи! Зашел на вал, посмотрел на стены. Каменная кладка хороша – ни выемок, ни выбоин. Было, разумеется, пара-тройка кустов, которыми прорастают стены, но, в общем и целом, придраться не к чему. Уже хорошо!

Спустился вниз. Ров... Вот он уже давно превращен в выгребную яму. На месте магистрата я приказал бы штрафовать золотарей, что ленятся вывозить дерьмо подальше. Содержимое рва прощупал алебардой, одолженной у стражника, а потом, не мудрствуя лукаво, перешел ров и также просто вернулся обратно.

Латники во главе с бургомистром недоуменно наблюдали. Кажется, мои действия понял только Густав – краска стыда была заметна сквозь недельную щетину.

– И что вы там нашли? – брезгливо поинтересовался герр Лабстреман, хотя первый бургомистр мог быть и понятливее.

– Вообще-то во рву должна быть вода.

Кажется, до господина бургомистра дошел мой сарказм. Он поморщился и вздохнул:

– Завтра же распоряжусь, чтобы начали чистить.

– Сегодня, – уточнил я. – И лучше, если прямо сейчас.

– Хорошо, распоряжусь, – не стал спорить бургомистр. –

Но может, мы все-таки въедем в город? Откровенно говоря, я очень устал. Не в том возрасте, чтобы не спать по ночам.

Новому коменданту города пришлось не въезжать, а входить в ворота, потому что мой капризный друг выразительно скривился, показывая, что ему не нравится запах моих сапог. Правда, наглец пытался пояснить – если мне тяжело идти, то он, так и быть, перетерпит. Ну, скажем, прикроет ноздри копытом.

– Ладно, – отмахнулся я от его бесстыжей морды. – Я и пешком могу! – Переведя взгляд от коня к бургомистру, попросил: – Покажите мне ближайшую гостиницу. Лучше, если она будет недалеко от главных ворот и от ратуши.

– Густав, не считите за труд показать господину Артаксу гостиницу. Вероятно, подойдет та, что содержит фрау Лайнс, – обратился бургомистр к капитану и повернулся ко мне: – Сейчас нам следует отдохнуть, а вечером мы соберем заседание Большого Городского совета. Кстати, когда будете съезжать из гостиницы, не забудьте взять счет. Половину ваших расходов город оплатит из собственной казны.

Я удивился неожиданной щедрости, но возражать я не стал.

Гостиница, куда привел меня Густав, была вполне приличная: конюшня уютная, овес отборный, а сено свежее. Капитан, сдав меня хозяйке, представив ее как фрау Ута, поспешил откланяться, сославшись, что соскучился по жене.

– Показать господину комнату или он вначале хочет пере-

кусить? – поинтересовалась фрау Ута, дамочка лет тридцати пяти, в меру пышная, круглолицая и с ямочками на щеках: – Завтрак еще не готов, но я могу подать вам холодную закуску и пиво.

Я прислушался к собственным ощущениям. Разумеется, было бы невредно слегка перекусить, но...

– Скажите, где здесь можно помыться? – поинтересовался я.

– Господин Артакс желает умыться или вымыться целиком? – педантично уточнила хозяйка. – Если умыться, то в комнате есть тазик и кувшин с водой, а целиком, то это внизу, за отдельную плату.

– Целиком и полностью! – обрадовался я. – И, хорошо бы найти прачку. Но вначале покажите комнату, где можно оставить оружие и доспехи.

– В моей гостинице пять комнат. И на сегодняшний день все они свободны, – с легкой грустью сообщила хозяйка. – Вы можете взять лучшую из них. Я готова, – вздохнула хозяйка, – взять за нее плату по цене обычной, а заплатить вы можете, когда соберетесь съезжать. Конечно, было бы неплохо, если бы господин Артакс внес какую-то предоплату. Скажем, талер.

Фрау Ута снова вздохнула. Чувствовалось, что на подобные жертвы она идет не от хорошей жизни и не стоит пользоваться ее бедственным положением.

– Нет уж, – засмеялся я. – Я возьму лучшую, по ее обыч-

ной цене. А плату буду вносить еженедельно.

Хозяйка улыбнулась. Такой подход ее несказанно обрадовал.

– В таком случае, – радостно сообщила она, – вы можете пользоваться нашей помывочной комнатой совершенно бесплатно. Пойдемте. – Повернулась фрау и повела меня по узенькой лестнице наверх.

Лестница противно скрипела. Это хорошо. Всегда буду слышать шаги. Еще мне понравилось, что комната располагалась на втором этаже, а за окном не было никаких деревьев. Стало быть, если припечет, могу выпрыгнуть из окна, а ко мне же забраться будет труднее.

Комната была огромная – с прихожей и чуланом, где обычно живут слуги. Мне бы и его вполне хватило. Но, раз уж город будет платить половину, то в каморку я определил основную часть оружия и доспехов.

Фрау Ута заверила, что в комнату будут входить только тогда, когда постоялец этого пожелает. Ну и, разумеется, чтобы вынести ночной горшок и сделать уборку. Если же господину не нравится горшок, в конце коридора есть особый чулан...

– Однако, – деловито добавила фрау. – Это будет вам стоить дополнительный фартинг в неделю.

Понятно. Выплеснуть содержимое горшка на улицу можно бесплатно, а за услуги золотаря нужно платить.

– Господин Артакс, чтобы нагреть воду, понадобится не меньше часа, – сообщила мне хозяйка, словно я сам не до-

гадывался. – Возможно, вы хотите пока отдохнуть?

– Пожалуй, отдыхать я пока не стану, – решил я. – Пойду, посмотрю на город. И, дайте мне с собой кусок сыра с лепешкой.

Меч, метательные ножи и сумку я оставил при себе. Возможно – совершенно излишняя предосторожность. Пускай. Сколько раз такое «излишество» выручало меня во всяких разных ситуациях, когда был риск лишиться либо жизни, либо имущества... Может, потому я до сих пор и жив.

Я не стал беспокоить Гневко, хрупающего овес. Пусть отдохнет. А знакомиться с новым городом лучше на своих ногах.

Ульбург был не хуже и не лучше сотен городков и деревень Швабсонии, через которые я проезжал раньше. До сих пор не понимаю – в чем разница между здешними городами и деревнями? Есть деревни, насчитывающие тысячи селян, и города, где проживают триста-пятьсот жителей. Везде вытянутые вверх дома, узкие кривые улочки сходятся в площадь, где умещаются городской собор и неременная башня с часами, под которой заседает здешняя власть. Кое-где здания, вкупе с городской властью, именуют ратушей, а где-то – магистратом. По мне, слово «магистрат» звучит красивее, нежели «ратуша».

В Ульбурге было кое-что, отличавшее его от других «бургов», «буржей» и «бороу» – приятная чистота улиц. Обычно булыжники мостовых скрывала липкая жижа, состоящая

из пыли, гнилых овощей и того, что выплескивают из ночных горшков. Да и улицы здесь были шире, нежели в других городах – на них могли разъехаться не два всадника, а две повозки. Думается, город основывался не беглыми сервами, возжелавшими стать ткачами и трубочистами, а появился еще во времена Старой империи. Верно, тут раньше был военный лагерь – две центральные улицы пересекаются под прямым углом, образуя площадь. Еще несколько улиц, что ближе к центру, сохраняли свой порядок. Видимо, они и стали основой города, а все остальное уже достраивалось и пристраивалось с неизбежной кривизной.

В общем и целом, осмотр будущего «хозяйства» меня удовлетворил. Разве что, мне не понравилось, что у города лишь одни ворота. Еще немного смутила голубятня. Нужно будет уточнить, чья она. В осажденном городе голубятня вещь неплохая. Можно сноситься с союзниками. Опять же, голуби – это мясо. Но, с другой стороны, голубятню можно использовать и во вред осажденным...

Побродил по улицам, заедая впечатления лепешкой с сыром, решил, что пора возвращаться. Верно, вода уже не просто нагрелась, а закипела.

В подвале была обустроена клетушка со стоками для воды. Тут же стояли бочка с холодной водой и здоровенный чан, в котором мне предназначалось мыться.

– Горячую воду принесут через минуту, можете раздевать-

ся. Если угодно, грязное белье отдадут прачке. Однако, – поспешно добавила хозяйка, – услуги моей служанки обойдутся дешевле. Городские прачки берут до пяти фартингов, а я предлагаю вам два фартинга за стирку всей вашей одежды. Хотите, принесу вам свежее белье?

Только идиоты и сочинители романов считают, что наемник должен быть вонючим, аки козел. «Пес войны», который не моется и не меняет белье, рискует загнуться от какой-нибудь болезни быстрее, нежели от самых страшных своих врагов – арбалетного болта или стрелы.

В моей дорожной сумке всегда найдется смена белья – застиранного, но сравнительно чистого – стирать приходится в речках и ручьях, холодной водой и без мыла. По мере возможности я всегда соблюдаю одно из важнейших правил наемника – мыться как можно чаще и менять белье хотя бы раз в неделю!

Две служанки не первой молодости (но далеко не старые!) притащили ушаты с горячей водой и помогли смешать воду, а потом дружно накинудись на мое брненное тело, пытаясь отмыть его добела.

Я надеялся, что миловидная хозяйка тоже поучаствует в этом увлекательном деле, но, увы, не дождался. Фрау сообщила, что ей нужно готовить завтрак и удалилась. Выяснив, что я хотел бы побриться, та, что постарше, вытащила бритву и, проверив, достаточно ли она остра, принялась за дело.

– Вы всегда бреете голову? – поинтересовалась та, что по-

младше.

– Стараюсь, – буркнул я, прислушиваясь, как бритва скребет щетину на моем черепе.

– А зачем? Вы – довольно молодой и привлекательный мужчина. А с волосами вы были бы неотразимы...

– Особенно для вшей, – усмехнулся я.

– Вам не бывает больно? – спросила вторая, постарше, осторожно ощупывая мои многочисленные шрамы.

– Бывает, – не стал я кривить душой. – Но от ран и шрамов есть польза.

– Какая? – удивилась вторая.

– Я всегда знаю, какая завтра будет погода. Тот шрам, что слева – зудит перед грозой. Ну, а другие беспокоят перед снегопадом, засухой и оползнем...

Всем хороша деревянная лохань, но вода в ней остывает очень быстро. Был я как-то в мыльне герцога Еньского, большого любителя понежиться в горячей воде, так тот приказывал слугам постоянно подливать кипятка. Есть еще ванны, под которыми можно разводить огонь и регулировать пламя, чтобы не сварить купающегося. Помнится, такая ванна была у моей знакомой герцогини, которая отмачивала кожаные штаны перед тем, как в них влезть. Идиллию прервал голос хозяйки:

– Вытирайте господина Артакса и ведите его на завтрак.

Меня вытерли, помогли обрядиться в свежайшее белье и вязанные тапочки, накинули на плечи теплый халат, забот-

ливо сопроводили наверх и не замедлили принести завтрак – грудку горячих оладий, к которым полагалось варенье.

– Что будете пить? Вино, пиво? – поинтересовалась фрау Ута, прислуживавшая за столом.

– А что еще? – спросил я.

– Есть шнапс. Но, – наставительно заметила хозяйка, сузив глаза, – не слишком ли рано для горячительных напитков?

– А кроме шнапса, вина и пива?

– Только молоко. Но обычно, – доверительно сообщила хозяйка, – мужчины это не пьют...

– И правильно, что не пьют, – согласился я. – Посему, дайте мне простой воды. Только – самой чистой. Надеюсь, чистая вода у вас есть? Согласен заплатить за нее, как за пиво.

Хозяйка пожалала плечами, но даже не хмыкнула. В конце концов желание гостя, пусть и нелепое, закон. Позавтракав, я почувствовал себя на седьмом небе от счастья. Чистое тело, чистое белье, хорошая еда и мягкая кровать в теплой комнате, чтобы лечь и отоспаться за долгие дни ночевки под кустами или в стогах. Неплохо, если бы в постели оказалась аппетитная фрау Ута, но так сразу она там не окажется. Да и мне нужно отправляться на заседание Большого Городского совета. Где там, моя одежда?

Только вспомнил об одежде и сапогах, как раздался стук в дверь, и вошла служанка, державшая в руках мою обувь, очищенную от грязи и, даже смазанную жиром!

– А одежда? – поинтересовался я.

– Ваше платье выстирано, но оно высохнет не раньше завтрашнего дня, – доложила служанка, норовя уйти.

Я едва успел ухватить ее за край юбки. Видимо, она это поняла как-то неправильно, потому что фыркнула и заявила.

– Сударь, я уже не так молода, чтобы заигрывать с мужчинами.

Сама, между тем, с интересом посматривала на меня, ожидая продолжения.

– Что вы, фрау...

– Фройляйн, – поправила она меня.

– Простите, фройляйн, – покорно кивнул я и принялся оправдываться: – Я бы с удовольствием за вами приударил. Только вот, дела. Мне сегодня следует быть на заседании городского совета, а идти туда в одном халате...

– Боюсь, что ничем вам помочь не могу, – насмешливо покачала она головой. – В нашем доме нет мужских вещей. Можно послать к портному, но это будет стоить денег. Да и пошив платья затянется дня на два-три.

– Кажется, придется идти в халате... – грустно сказал я.

Нельзя же пропускать важное собрание по такому ничтожному поводу, как отсутствие одежды.

– А сегодня заседания не будет, – вдруг сообщила служанка. – Пока вы завтракали, приходил посыльный из магистрата, который сообщил, что герр Лабстерман себя плохо чувствует после дороги, так что вы можете отдыхать до завтраш-

него дня.

«Что б тебя разодрало...» – выругался я мысленно.

Хотя... Служанка, кстати, при дневном свете выглядит не такой пожилой, какой она мне показалась в мыльне. Если и старше меня, то лет на пять. Стало быть, вполне...

– Сударыня, а как вы смотрите на то, чтобы задержаться в моей комнате?

Не дожидаясь ответа, я привлек женщину к себе и, преодолевая символическое сопротивление, крепко поцеловал в губы. Потом, взяв ее на руки, понес на кровать...

«Дверь!» – прошептала она, когда я уже задираю на ней юбку и раздвигал ноги.

– Что – дверь? – не понял я.

– Заприте же дверь, болван!

Никогда не любил иметь дело с молодыми женщинами. Испушенные особы постоянно думают о беременности, а юницы, у которых свищет ветер в головушке, неопытны и неумелы. Лучшие любовницы, которым за сорок. Они еще привлекательны для мужчин и достаточно опытны, чтобы доставить нам радость в постели...

Увы, со служанкой не повезло, потому что пришлось стараться за двоих – несмотря на желание, умения ей не доставало. Она двигала задницей неуклюже, будто воспитанница монастырской школы, которую лишают девственности. Но все-таки дамочка осталась довольной.

Когда я поднялся и стал поправлять одежду, она еще ле-

жала в постели и томно потягивалась. Но долго разнеживаться не позволил стук в дверь.

– Господин Артакс, – послышался из-за дверей недовольный голос хозяйки. – Если вы закончили, передайте Гертруде, что ее ждут дела!

Я прислушался к звукам удалявшихся шагов и, дождавшись, пока они смолкнут, галантно поинтересовался:

– Надеюсь, у вас не будет неприятностей из-за меня?

– Сестричка просто впишет в ваш счет дополнительный фартинг, – фыркнула служанка, поправляя чепец и одергивая юбку.

– Фрау Ута – ваша сестра? – удивился я.

– Младшая, – спокойно объяснила Гертруда. – Ее муж был хозяином гостиницы.

Заметив в моих глазах немой вопрос, женщина поспешно сказала:

– Вы не подумайте дурного. Ута впишет в счет не плату за меня, а компенсацию за то время, что я уваливала от работы. По вашей вине..., – лукаво добавила она. – Думаю, для меня у нее тоже найдется наказание.

– М-да, – только и сказал я. – Суровая у вас сестричка.

– Увы, – вздохнула женщина, – в последние годы дела идут плохо. Из-за неприятностей с герцогом в город перестали приезжать богатые купцы. А простонародье выбирает гостиницы подешевле. Сводить концы с концами помогает только домик в деревне, что остался от родителей. Летом

мы выращиваем там овощи, а потом продаем их лавочнику. Опять же – когда есть свой огород, гостиницу содержать гораздо дешевле.

Гертруда ушла. Я, приготовившись спать дальше, едва смежил веки, как в дверь постучали – деликатно, но требовательно. Так может стучать только хозяйка гостиницы.

– Прошу вас, – открыл я дверь, впуская фрау Уту.

– Господин Артакс, – прямо с порога заявила фрау, кусая губки и грозно поигрывая ямочками. – Разумеется, я не имею права читать вам нотаций! Но я попросила бы, чтобы впредь вы не отвлекали служанок от выполнения их обязанностей! То, что они мои родственницы, не меняет дела. В противном случае я буду вынуждена вписать в ваш счет фартинг. Сегодня я, так и быть, закрою на это глаза, но не впредь.

– Почему родственницы во множественном числе? – любопытствовал я.

– На случай, если другая сестра, Эльза, решит последовать примеру Гертруды...

– Фартинг – за двоих? – усмехнулся я.

Хозяйка смутилась, но быстро овладела собой:

– Господин Артакс, моя гостиница – не бордель, а мои сестры – не шлюхи. Они не были замужем, но давно могут отвечать за себя. («А, вот почему Гертруда так неуклюжа!» – понял я). Я не могу запретить ни им, ни вам заниматься... – замешкалась фрау, подбирая слово, – этим э-э делом, но хо-

тела бы напомнить, что для любовных утех есть время после сигнала к тушению огней. Днем сестрам положено работать.

– Простите меня, фрау Ута, – с раскаянием произнес я. – Готов немедленно внести компенсацию! Вот, пожалуйста, – протянул я ей талер.

При виде серебряной монеты фрау Ута обомлела. Она протянула руку, но тут же ее отдернула. Чувствовалось, что фрау очень хотелось взять талер, но что-то мешало.

– Господин Артакс, – закусила хозяйка губку. – Я очень хочу, но не могу принять такую крупную сумму. Талер – это стоимость вашего недельного пребывания с учетом всех затрат, включая комнату, еду, а также стирку и горячую воду.

– Возьмите-возьмите, – вложил я в ее ладошку монету и сжал пальчики. – Будем считать, что я оплатил недельное пребывание авансом.

Не знаю, что на меня нашло, но я торопливо, как мальчишка, поцеловал фрау в ямочку на щеке. Хозяйка потеряла след от губ и удалилась, возмущенно попискивая.

Спал я долго. Слышал сквозь сон скрип женских шагов, голос фрау Уты, что предлагал мне обед. Но я предпочел отоспаться. Только ближе к вечеру соизволил выползти из комнаты, чтобы проведать коня.

Гневко, узрев хозяина (или кем я ему приходился?) встрепенулся, но, рассмотрев халат, торчавшие из-под него кальсоны и деревянные башмаки (не в шлепанцах же идти в конюшню?), заржал, как гусак: «Га-га-га!». Отсмеявшись,

стриганул ухом: «Сидел бы на месте. Чего дергаешься?»

Раз все в порядке, можно вернуться в номер. Там ожидал накрытый стол – тушеная капуста с мясом, ветчина со слезой, шпинат со спаржей, а также сыр – с плесенью и без оной. Был подан кувшин с водой и чашечка с вишневым сиропом. Не то обед, который я проспал, не то – ужин, но яства были сметены мною с удовольствием.

К концу трапезы появилась фрау Ута. Собрав посуду, хозяйка подошла к двери и уже оттуда сказала:

– После сигнала к тушению огней разрешается пользоваться закрытыми фонарями в стеклянных колпачках. Если Гертруда захочет зайти, она не будет наказана.

– А вы сами не хотите зайти? – нахально поинтересовался я.

– Вы, сударь, слишком много себе позволяете! Если бы не нужда в постояльцах, я немедленно бы указала вам на дверь...

Не договорив, фрау Ута гневно хлопнула дверью и ушла, возмущенно топая хорошенькими ножками (правда, под юбкой их было не видно, но представить – можно). Слишком возмущенно, чтобы быть правдой...

В зале городской ратуши собрался весь цвет города Ульбурга. На широких скамейках сидели гильдейские старшины. Лицом к ним, за длинным столом, восседали отцы города, числом три. Сбоку сиротливо примостился одинокий де-

ревянный табурет, предназначенный новоиспеченному коменданту города.

«Хорошо, что стоять не заставили», – весело подумал я и сел.

Зал глухо зароптал. Они что, думали, что я буду кланяться или обращаться с благодарственной речью? Как же...

– Что-то не так? – поинтересовался я.

– Все в порядке, господин Артакс, – улыбнулся первый бургомистр. Обведя взглядом зал заседания, успокоил взором роптавших и, степенно откашлявшись, произнес: – Господа, вам известно, что я от имени города Ульбурга заключил сделку с господином Артаксом, который согласился взять на себя руководство обороной нашего города. Посему позвольте представить вам коменданта города.

– За сколько? – раздался голос из глубины зала.

– За тысячу талеров, – отвечивал бургомистр, пытаюсь сохранить спокойствие на челе и ясность во взоре.

Услышав о несусветной цене, собравшиеся заголосили так, что не помогали даже суровые взгляды Лабстермана. Бюргеры знали, что в конечном итоге деньги придется собирать им...

Члены Совета бушевали минут пять. Я услышал много о репутации наемников; о том, что за тысячу талеров можно купить сотню комендантов вроде Артакса; о том, что первый бургомистр выжил из ума. Ну, и многое другое. Наконец, я не выдержал:

– Молчать! – воспользовавшись паузой, встал и медленно обвел взглядом зал. Положив руку на рукоять меча (это придает облику суровости и делает купцов более сговорчивыми!), произнес краткую речь: – Я только что услышал, что я – грязный наемник. Во-первых, вчера я имел честь вымыться в ванной комнате. Во-вторых, настоятельно прошу извиниться!

Взгляды присутствующих уперлись в мощного чернородого мужчину, поигрывавшему бляхой с накладными клещами. Старшина гильдии кузнецов (кто это еще мог быть?), неторопливо встал со своего места, продемонстрировал широкие плечи и демонстративно зевнул:

– А что будет, если я не захочу извиняться?

– В этом случае, придется вырвать извинения силой.

– Не смейся меня, – еще раз зевнул кузнец, начиная хохотать, но от удара в живот подавился смехом...

Когда он скрючился, я ухватил невежу за гильдейскую цепь, слегка придушил и, стараясь говорить вежливо, представил лезвие к его горлу:

– Так вы не желаете извиниться?

Здоровяк напряг шею и упрямо помотал головой. Когда из-под клинка потекла кровь, зал ахнул, кому-то стало плохо. Но никто не пришел на помощь к своему собрату...

– Ии-зз-вв-ините, – сумел выговорить кузнец, поняв, что с ним не шутят. Я высвободил цепь и убрал кинжал.

Кузнец упал на колени и принялся глотать воздух, зажи-

мая страшные (как ему сейчас казалось!) раны. На самом-то деле существенного вреда его организм не получил. Ну, какое-то время, из-за помятой гортани, будет больно глотать. Об унижение он будет думать потом...

— Итак, господа, — продолжил я прерванную речь. — Не люблю, когда дурно отзываются о моей профессии. Что касается меня, то в армиях различных королевств я занимал должности, равные капитану и полковнику. Для несведущих людей сообщаю: капитан — это командир тысячи воинов, а полковник, командир полка, пяти тысяч. Таким образом, мне приходилось командовать войском, равным половине жителей вашего города. Ульбург не останется в накладе, а напротив, сэкономит деньги, которые может потребовать Фалькенштайн. А что будет, если он захватит город, не хочется и думать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.